ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган федерации об'единений советских писателей РСФСР

Москва 15 августа 1931 г. № 44 (143)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 12 м. 3 р. 50 коп. На 6 м. 1 р. 75 к. На 3 м. - р. 90 к.

за работу по-новому с ударниками-призывниками

Несмотря на предупреждения, данные в свое время секретариатом РАПП, летний период вызван значительное ослабление в работе ассоциаций и отдельных кружков пролетарских писателей. Некоторые ассоциации и кружки вообще приостановили на лето свою работу. Такое положение нормальным назвать никак нельзя. Плохие традиции литературной общественности не должны сохраняться. Темпы литературной работы не должны измеряться, как это обычно происходит до сих пор, сменой времени года. Особенно вредным был период работы именно летом 1931 года, когда предстоило усилить работу с призванными в пролетарскую литературу рабочими-ударниками, а не ослаблять ее.

Пролетарское литературное движение после летнего затишья вступает в полосу «сезонного» осеннего оживления. Пленум правления РАПП, созываемый 30 августа, должен разработать подробный план работы организации на год вперед, должен явиться началом новой волны под'ема в жизни организации. Среди прочих задач, которые выдвигается на первый план перед пролетарским литературным движением, в числе важнейших находится задача воспитания в организации вошедших в нее рабочих-ударников. Призыв рабочих-ударников начался в октябре 1930 года. Естественно, что использовать их для учебы весь литературный год было невозможно. Сейчас положение иное. Литературный год начинается. Кадры рабочих-ударников закреплены и закрепляются в организации. Естественно, что такой благоприятный момент не может быть упущен, что должны быть созданы все условия для развертывания углубленной работы с призывом.

Создание таких условий требует разработки цепей системы мероприятий. Снова с большой остротой встает больной для организации и нерешенный еще его вопрос о руководителях кружков. Мы должны здесь прежде всего отметить, что далеко не все квалифицированные силы РАПП использованы для постоянной, систематической работы с призывниками-ударниками. Но полное использование этих, немногочисленных по сравнению с ростом движения, сил еще далеко не решает вопроса. Необходима настойчивая работа по выдвижению новых кадров. Организация нуждается в большом количестве руководов, и они должны быть выдвинуты из среды самих рабочих-кружковцев. Опыт московской, ленинградской и некоторых других ассоциаций по созданию курсов-семинаров рабочих руководов, опыт Западной ассоциации, организовавшей кабинет рабочего-ударника, —этот опыт должен быть учтен, использован и развит всеми ассоциациями РАПП. Организация выросла. Прежние, кустарные методы работы не дают никаких положительных результатов.

Точно так же весьма остро стоят вопросы плана и содержание работы в кружках. С одной стороны, здесь наблюдается академически-схоластический уклон, когда литературная учеба в кружке отрывается от классовой практики кружковцев, от запросов и нужд данного предприятия и подменяется изучением отвлеченных проблем литературоведения и литературы вообще. С другой стороны, нередко кружки работают без всякого плана, не осмыслизая своего опыта, не поднимая идейного уровня кружковцев, практикуя худшие навыки чеховщины. Задача заключается в выработке такой типовой программы учебы, которая превращала бы кружковца в активного участника всего процесса литературного движения, не отрывая его от литературного творчества от всей его общественно-политической работы, которая учила бы его художественному мастерству, не сбиваясь на протоптанную формалистическую дорожку. Уже накопился немалый опыт неудачных кружковых программ. Но движение имеет все права на хорошую программу (вернее на ряд программ, учитывающих все многообразие запросов и знаний различных прослоек низового пролетарского литературного движения). Необходимые сроки здесь уже упущены. Необходимой расчачки в работе всей РАПП не видно. Теперь каждая декада имеет огромное значение. Медлить с разработкой программ нельзя.

Но нельзя также медлить с необходимыми пособиями для кружковцев. Очень недостаточно количество статей, посвященных разбору творчества рабочих-ударников. Между тем серьезная учеба кружковцев на материале его творчества имеет первостепенное значение. Но уже из рук вон плохо обстоит дело с популярной книжкой, которая ориентировала бы кружковца в основных вопросах литературы, знакомила бы его с историей пролетарской литературы, передавала бы ему опыт новаторства, вводила бы его в курс дискуссии о творческом методе, помогала бы ему в овладении технологией художественного мастерства.

Несколько книжек, выпущенных по массовой серии библиотеки «На литературном посту» и по другим сериям, конечно не могут заполнить огромного пробела, тем более, что данное на все из выпущенных книжек могут быть признаны удавшимися. Кадры марксистской критики должны считать своей первоочередной обязанностью создание серии таких марксистских популярных брошюр-пособий; план такой серии должен быть широко разработан.

Разумеется, сказанное о кружках РАПП в еще большей мере относится к кружкам ВОПКП, где положение должно быть признано совершенно не благополучным.

Развертывание углубленной работы в рабочими-призывниками явится серьезной проверкой того, как РАПП учится работать по-новому, как в ней осуществляются методы конкретного руководства и изгоняются методы кустарщины и бесплановости, сохранившиеся от того времени, когда ставшее теперь массовым пролетарское литературное движение было только небольшим кружком.

на бумажном фронте без перемен

В течение нескольких месяцев миллионную массу читателей, советскую общественность, печать, затем литературных организаций волнуют вопросы нехватки бумаги. Бумажный кризис больно ударил по нашим издательствам, смял редакционные планы, резко сократил книжную продукцию.

И естественно, что в стране социалистической индустриализации планирующие органы употребили все усилия на то, чтобы недостаток бумаги наименее болезненно отразился на продукции так называемых ведущих издательств, выпускающих научно-техническую, социально-экономическую, учебно-педагогическую, массовую политическую книгу. И в результате больнее всего недостаток бумаги ударил по художественной книжке.

Однако советская общественность не могла примириться с тем, чтобы многомиллионная армия читателей, все быстрее растущая благодаря проведению ликбеза и всеобуча, чтобы эта читательская масса осталась без художественной книги, помогающей строить социализм.

В условиях острейшего недостатка бумаги были выдвинуты встречные мероприятия, могущие облегчить положение издательств художественной литературы. К числу этих мер относятся мобилизация внутренних ресурсов, жесткий пересмотр издательских портфелей, точное планирование наличной бумаги, четкое распределение книжной продукции, своевременное и умелое ее продвижение к читателю.

Печатаемые нами сегодня материалы говорят о том, что некоторые издательства, а в особенности Союзбумага и Книгоцентр еще недостаточно энергично взялись за осуществление этих мероприятий, еще не создали решительного перелома в производстве и распределении художественной книги. Недостаточную помощь оказывают до сих пор издательствам и писатели, которые в ЛенГИХЛ, например, сами срывают редпланы, нарушая сроки сдачи рукописей.

Между тем острый недостаток в бумаге при громадном неудовлетворенном спросе на художественную книгу налагает серьезные обязательства на каждую из сторон книжного «треугольника».

Союзбумага должна мобилизовать все средства для быстрого роста бумажного производства, и по этой линии ее задача очень облегчается недавним решением ЦИК РКИ о разукрупнении Союзбумаги и о специализации ее фабрик по выработке технических и культурных сортов бумаги. КНИГОЦЕНТР должен повести жесткую борьбу со своей бюрократической непоповоротливостью; ИЗДАТЕЛЬСТВА должны приложить все силы к тому, чтобы с максимальной бережностью и с максимальной пользой использовать каждый печатный лист своей продукции.

литорганизации ленинграда должны помочь перестройке издательства

(от нашего ленинградского корр-та)

Снабжение бумагой ЛенГИХЛ в последние месяцы несколько улучшилось и в этом отношении положение издательства сейчас более устойчиво. По ходу с этим резко ухудшилось качество бумаги. На художественные издания, на которые недавно еще шла бумага № 2, а затем № 4, сейчас представляется № 5, т. е. газетная бумага. Печатать иллюстрации на ней невозможно. Иногда на журналы отпускается бумага № 4).

Во всяком случае производственный план ЛенГИХЛ на август бумагой обеспечен. Выпала лишь школьная серия из-за неполучения в июле 30 с лишним тонн бумаги. Несмотря на то, что Московский ГИХЛ сообщил о включении этой бумаги для школьной серии в разнарядку, бумажная фабрика почему-то этой разнарядки не получила и бумаги не предоставила ни на август ни на сентябрь (весь производственный сентябрьский план пока-что обеспечен только на 30 проц.).

Некоторые затруднения в снабжении бумагой еще более подчеркивают безобразное положение с «авторским сырьем»: авторы систематически невыполняют обязанности по своевременной сдаче рукописей. Полугодовые и годовые сводки (об этом мы уже сообщали в «Л. Г.») обнаружили рекордные перфоли и окончательно срывают плановость в работе издательства. Ленинградские литорганизации обязаны помочь издательствам: по отношению к злостным дезорганизаторам производства должны быть приняты решительные меры.

Наконец угрожает срывом производственных планов ЛенГИХЛ и состояние ленинградской полиграфической базы и нечеткая работа УПП ОГИЗ. В последние месяцы типографии — «Печатный двор» и им. Е. Соколовой выполнили всего лишь 20 — 25 проц. заказа ГИХЛ. Только сейчас поступают задания июльского плана. На июль и август новые заказы приняты типографиями условно: художественная литература будет печататься лишь в случае... прорывов в работе других издательств.

Р.

задолженность союзбумаги возрастает

Издательства продолжают оставаться в чрезвычайно напряженном положении в связи с возрастающим недоотпуском бумаги. Если в снабжении издательств бумагой не произойдет решительного перелома, задолженность фабрик к концу третьего квартала значительно превысит цифру задолженности на 1 июня. До сих пор не погашена задолженность за второй квартал, а в счет норм третьего квартала поступает лишь ничтожное количество бумаги.

Так, издательство «Молодая гвардия» во втором квартале недополучило 45 процентов причитающейся ему бумаги, а в третьем квартале вместо причитающихся за июль и август 728 тонн получило лишь 103 тонны, что составляет 14 процентов нормы.

Недополучение рулевой бумаги вызывает простой четырех ротационных машин. Это стоит издательству огромных неустоек и задерживает выпуск политучебников. Положение с выпуском художественной литературы в «Молодой гвардии» прямо катастрофическое. Сданная в производство предназначенная к срочному выпуску серия «Степка должен знать своих героев» протежала в издательстве месяц в ожидании бумаги. Вся художественная литература, совершенно готовая к куску в машину, не выходит из производства. Нет даже ориентировочных сроков ее выпуска.

***

Еще хуже обстоит дело в «Издательстве иностранных рабочих в СССР». Вместо требующихся издательству 300 тонн бумаги Комитет по делам печати утвердил норму в 150 тонн. Обещанные к началу во втором квартале 20 тонн бриллиантовой бумаги еще не получены. Вместо требуемых 142 тонн бумаги для экспортной литературы разрешено к получению всего 46 тонн, и те будут получены не ранее 1 сентября, т. е. в самом конце третьего квартала. Такое положение ставит под угрозу срыва весь план работ издательства.

Уже сегодня 22 названия книг, подписанных к печати, лежат без движения из-за отсутствия бумаги.

***

ГИХЛ недополучило за второй квартал 82 тонны бумаги. В счет норм третьего квартала отгружено разными фабриками 10 проц. июньской нормы. Издательства «Недра» и «Московское товарищество писателей» недополучили за второй квартал 25 проц. нормы. В счет третьего квартала не получено еще ни одного листа бумаги.

Издательства должны направить все свои силы на мобилизацию внутренних ресурсов. Необходимость использовать все возможности в этом направлении отмечались неоднократно на страницах «Литгазеты», и уже кое-что в этой области сделано. Но как бы издательства ни уплотняли печатный лист, как бы ни сжимали свои редакционно-издательские портфели, им должна быть обеспечена какая-то минимальная норма своевременно доставляемой бумаги. Иначе станет совершенно невозможной дальнейшая работа издательств, переведенных на хозрасчет, из-за несвоевременного получения бумаги с предприятий Союзбумаги, перманентно находящихся под угрозой огромных неустоек. Вопрос о своевременном снабжении издательств со всей остротой стоит перед Союзбумагой.

Нужно надеяться, что новая реорганизация — разукрупнение Союзбумаги — в кратчайший срок оздоровит ее работу и принесет облегчение издательствам художественной литературы.

Е. ПЕЛЬСОН

тысячи книг на складах

На книжных базах ленинградского отделения Книгоцентра на 6 августа лежало 4х тиражей, нереализованных московским Книгоцентром. Среди книг, лежащих мертвым капиталом, альманах «АНИ «ЕВРОПА ГАЛАНТ», «Дипломат» Ц. АСЕЕВА, массовая библиотека «Гиганты», рекламный, «Вдыхающие корсаж» ЛАВЕНА и др. Некоторые книги на числа затоваренных давно уже проданы ленинградскими книжными магазинами, куда они поступают без разверстки московского Книгоцентра.

Как сообщили нам в Ленкнигоцентре, затоваривание здесь — обычное явление. Одна из причин массового затоваривания книг — недостаточная связь Ленкнигоцентра с московским правлением. Сигнальные образцы книг, по которым производится разверстка, обычно «ПРОГУЛИВАЮТ» по дороге из Ленинграда в Москву, и целые тиражи застревают на полках складов.

„история гражданской войны" ждет своих авторов

„наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран" **М. Горький**

редакция „игв" приступила к работе

Редакция «Истории гражданской войны» приступила к работе и начала прием материала.

Секретариат редакции «ИГВ» временно помещается на Спиридоновке, 2 (вход со двора, во флигеле), в помещении редакции журнала «Наши достижения».

Прием ежедневно, кроме пятых чисел, от 12 до 15 часов. Телефон 3-79-54. Все материалы направлять: Москва, 69, Спиридоновка, 2.

у историков-марксистов

В связи с решением ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» президиум О-ва историков-марксистов привлекает всех членов о-ва, все отделения и ячейки содействия к активной помощи изданию «Истории гражданской войны».

О-во историков-марксистов поведет свою работу в тесном контакте с военной секцией Комакадемии, институтами по истории партии и институтами на местах, партизанскими комиссиями и ассоциациями пролетарских писателей.

О-во историков-марксистов развертывает на предприятиях, в колхозах и вузах работу ячеек содействия по учету активных участников гражданской войны и привлечению в ряды общества товарищей, выявивших себя на работе по собиранию материалов и написанию воспоминаний.

у пролетариев баку

В Баку, в сураханском рабочем дворце им. Сталина по инициативе участников гражданской войны—рабочих механического завода им. Дзержинского состоялся первый в АССР **вечер воспоминаний участников гражданской войны.**

Выступления участников гражданской войны застенографированы и будут переданы редколлегии «Истории гражданской войны».

в рядах осоавиахима

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» президиум ЦС Осоавиахима СССР предложил всем организациям общества немедленно включиться в собирание и обработку материалов о гражданской войне.

Совместно с политоргранами Красной армии и местными филиалами ЛОКАФ осоавиахимовские организации развернут активное участие в проведении специальных вечеров, собраний и бесед красноармейцев, партизан и участников гражданской войны.

бойцы приветствуют создание „истории"

ЛЕНИНГРАД. 11. (Наш корр.). Состоялся слет бойцов частей Северного округа — активных участников гражданской войны. В слете участвовало свыше 100 командиров, политработников и красноармейцев. Слет, приветствуя постановление ЦК ВКП(б), принял ряд конкретных решений.

Постановлено, чтобы решительно все бойцы — участники гражданской войны, находящиеся в частях округа, приняли активное участие в сборе материалов для «Истории» — воспоминаний об военных фронтах, боях, характерных эпизодах боевой жизни частей Красной армии, взаимоотношений красноармейских частей с населением и отдельных документов о гражданской войне.

В частях проводится регистрация всех участников гражданской войны для создания групп участников войны и тех же фронтов и частей. Эти группы будут коллективно обсуждать и прорабатывать собранные материалы. Участники гражданской войны, проходящие учебный сбор запаса в Ленском лагере, обязались по возвращении на фабрики, заводы, в совхозы и колхозы организовать там аналогичную работу по сбору материалов для создания «Истории гражданской войны».

в ленинграде

Ленинградское отделение ФОСН приступило к реализации постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны». На экстренном заседании секретариата ЛенФОСН по предложению **И. Свирина и Вс. Вишневского** принят ориентировочный план работы, который в дальнейшем будет расширен и углублен. В этот план вошли мероприятия, о которых мы уже сообщали в прошлом номере «Л. Г.»: призыв участников гражданской войны к литературе, организация вечеров воспоминаний в боевых землячествах, на предприятиях и т. д.

Для проведения этой работы ЛенФОСН сотрудничает с целым рядом организаций, в первом, военно-морском музеем ПУОКР, ПУБАТО, мерзлой и военно-политической академиями и т. п.

Литорганизации выделяют также бригады писателей для записания истории отдельных частей ДВО и Балтфлота и для литературных консультаций и живых творческих групп участников гражданской войны.

Все лучшие воспоминания и другие материалы по «истории» намечено выпускать массовыми брошюрами и печатать в журналах, газетах. Для уточнения и систематизации всех материалов о гражданской войне предполагается выпуск специального библиографического справочника.

***

Бюро Парнасского райкома ВКП(б) создало бригаду содействия изданию «ИГВ». Ячейки содействия создаются и на крупнейших предприятиях Парнасского района.

издательства готовят книги о гражданской войне

Месяц назад издательства **«Молодая гвардия» и ГИХЛ** заключили договоры с ЛОКАФ об издании художественной литературы о гражданской войне. По этим договорам материалы должны были начать поступать в издательства с начала 1932 года. Сейчас, в связи с ударной подготовкой к созданию «Истории гражданской войны», отдел художественной литературы ГИХЛ поставил перед ЛОКАФ вопрос о форсировании сроков представления рукописей для сдачи их в производство в первую очередь.

Во избежание задержки материалов в редакции, отдел художественной литературы ГИХЛ выделил специального редактора т. **Чесникова** для работы над рукописями и составления сборников о гражданской войне.

Московским товариществом писателей было предусмотрено по плану 1931—32 года издание сборников о гражданской войне. В связи с подготовкой к изданию «Истории гражданской войны» срок сдачи первого сборника в производство перенесен на сентябрь текущего года. В портфеле издательства находятся рукописи четырнадцати авторов. Первый сборник выйдет в октябре под редакцией **К. И. Соколова-Страхова.**

в локаф

Важнейшая задача, поставленная перед ЛОКАФ в связи с подготовкой к изданию «Истории гражданской войны», требует от ЛОКАФ особенно четкой работы. Вместе с тем в этой области работа ЛОКАФ тесно переплетается с аналогичной работой издательств.

Для рационального распределения работы и установления строгой ответственности за нее ЛОКАФ поставил перед ГИХЛ вопрос о строгом разграничении обязанностей ЛОКАФ и ГИХЛ.

Ответственность за всю продукцию, поступающую непосредственно в издательство, возлагается на последнее. Только в отдельных случаях, если издательство находит нужным включить ту или иную рукопись в серию ЛОКАФ, оно направляет эту рукопись на обсуждение редколлегии ЛОКАФ.

Для постоянной консультации ЛОКАФ издательство должно развернуть широкую массовую работу, пригласив к ней членов редколлегии ЛОКАФ в качестве консультантов. ЛОКАФ со своей стороны будет заниматься разбором поступающих к нему рукописей и после предварительной обработки направлять их в издательство. В самом ЛОКАФ также будет развернута работа литконсультации для начинающих писателей Красной армии, представляющих свою продукцию в ЛОКАФ.

***

Если ГИХЛ уже включилось в работу по созданию «Истории гражданской войны», выделив для этого специального редактора и увязав свою работу с ЛОКАФ, то «Молодая гвардия», связанная с ЛОКАФ договором об издании представленных ему рукописей, до сих пор ничего не предпринимала для согласования своей работы.

ЦС ЛОКАФ поставил поставить перед «Молодой гвардией» вопрос о быстрейшей реализации сданных рукописей и о создании по примеру ГИХЛ специального аппарата для работы над литературой о гражданской войне.

от имени революционных писателей ирана протестуйте!

4 июня 1931 года ТАСС сообщило, что правительство Брюнинга решило изгнать за пределы гинденбургской республики тех иранских политических эмигрантов, которые нашли убежище у пролетариев Берлина и подняли там свой голос истерзанных от ударов, нанесенных им азиатским деспотизмом.

Социал-демократы, второй интернационал, которые всего несколько месяцев назад защищали сулимых в Москве контрреволюционеров-меньшевиков, готовящих кровавое нападение на социалистическое отечество международного пролетариата, сегодня перед незаконным действием правительства демократической республики позорно молчат.

Иранская общественность никак не может понять, почему европейские державы не выгоняют из пределов своих стран русских белоэмигрантов, которые своей гнусной клеветой пытаются организовать общественное мнение против Советского союза, между тем как это же германское правительство со страной беспощадностью изгоняет иранских политических эмигрантов, которые не вмешиваются во внутренние дела Германии, но которые очевидно не дают спокойно спать реакционному правительству Пахлави, поддерживаемому «республиканским», «демократическим» правительством Германии.

Революционные бойцы Ирана, несмотря на то, что ряды их незначительны и слабы, жестоки достаточно сильны, чтобы в союзе с пролетариатом Европы защищать своих товарищей.

Правительство Реза - Шаха дошло до того, что всякий, осмеливающийся произнести слово «свобода», «революция», «нет»—подвергается бранью и побоям и даже пожизненному заключению в тюрьме или высылке в пустыню Кевир.

Само собой разумеется, что при существующем азиатском деспотическом гнете и реакционности шахского строя, трудно представить себе возможность легальной печати и распространение какой - либо газеты в Иране, которая бы вскрывала истинную сущность современного шахского строя.

Поэтому иранские политические эмигранты, принимая во внимание демократический строй и оборудование типографии на арабской основе в Германии, решили в Берлине издавать газету под названием «Пейкар».

Не успели выйти шесть номеров газеты, как газета эта приобрела очень большой авторитет не только среди трудящихся Ирана, но даже и в Афганистане, Индии и в некоторых частях Аравии.

Вот почему трусливое правительство Пахлави, испугавшееся этой искры революции, потребовало от германского правительства закрытия этой газеты и высылки издателей. А «демократическое» германское правительство, ради выгоды немецких капиталистов, купцов и ростовщиков, хочет удовлетворить это требование.

Для подавления революционного голоса порабощенного народа Востока, азиатский деспотизм заключает союз с европейским фашизмом.

На очередную вылазку международного империализма надо ответить сплоченным революционным союзом пролетариата Запада с угнетенными Востока.

К вам, революционным литераторам СССР, от имени революционных молодых литераторов Ирана, обращаюсь с открытым письмом, протягиваю к вам братскую руку и прошу вас поднять свой авторитетный голос, довести вашу революционный протест до пролетариев фабрик и заводов, в частности Берлина, призвав их защитить нашу газету и товарищей по классу.

В ответ на интернациональное выступление реакции ответим интернациональным революционным протестом, революционной сплоченностью и созданием международного комитета на защиту «Пейкара».

За революционный «Пейкар»!

С революционным пролетарским приветом РАГИМ КОВБАРИ

ленинский райком о призыве ударников в районе

Секретариат Ленинского райкома ВКП(б) в Москве заслушал отчет о состоянии работы в районе по призыву ударников в литературу.

Было констатировано, что призыв ударников значительно усилил районную литературную организацию, видоизменил тематику литературного творчества в смысле более конкретного отражения борьбы за промфинплан, соревнования, ударничества, а также показа лучших. Количественно увеличился и качественно улучшился материал фабрично-заводской печати и стенгазет. Число кружков возросло с двух до девяти охватом более 100 человек.

В связи с неудовлетворительным руководством работы по призыву со стороны райбюро МАПП, а также со стороны фабрично-заводских партийных организаций успешно начатая работа по призыву **не закреплена.** Часть кружков распалась; тематически кружкам не всегда учащиеся поднимались на должную политическую высоту. Наблюдаются случаи большого захаживания начинающих, фиктивность кружков, частая смена руководителей и т. п. Для изжития этих недостатков Секретариат райкома в своем решении предложил: разукрупнить Замоскворецко-Ленинское райбюро и создать **самостоятельное райбюро МАПП Ленинского района;** создать кружки при всех крупных предприятиях района; подобрать опытных руководителей; использовать фракции райбюро уделить особое внимание индивидуальному воспитанию каждого кружковца, организовать при Доме партпросвещения районный центр для ударников; предложить парторганизациям района, в частности культпрокам партячеек, взять на руки руководством литкружками, **включив эту работу в повседневный план своей деятельности** на предприятиях; редакции печатных и стенных газет должны систематически освещать творчество литкружковцев.

В связи с указанием РК, в Ленинском районе уже организован **кабинет ударника** при Доме партпросвещения.

у пролетписателей западной области

письмо из смольска

Секретариат ЗОАПП организовал широкую встречу пролетписательского актива Западной области с секретарем Запобкома ВКП(б) т. **Румянцевым.** В беседе с писателями т. Румянцев обрисовал основные задачи, стоящие сейчас перед ЗОАПП, и наметил пути более тесного включения пролетарских писателей в хозяйственное строительство, их задачи в идейно-воспитательной работе с ударниками, призывниками в литературу.

В связи с указанным т. Румянцева при культпропе обкома ВКП(б) будет создано областное совещание коммунистов, работающих в литературе. Намечается широкая подготовка к осеннему с'езду РАПП и к конференции ЗОАПП. Перестраивается орган ЗОАПП «Наступление».

Секретариат ЗОАПП разработал ряд мероприятий, которые должны реализовать указания т. Румянцева. В частности нужно отметить совместную работу с облпланом в организации художественного освещения новых хозяйственных проблем Западной области.

А. М.

выставка владимира маяковского

Литературный музей при Публичной библиотеке СССР им. В. Ленина организовал выставку работ В. В. Маяковского.

Экспозиция стремится наглядно показать творческую эволюцию поэта в связи с общественно-политической обстановкой. И в этом плане — несомненной заслугой Литературного музея является попытка отойти от старого биографического метода музейной экспозиции, попытка сделать так, чтобы сами за себя говорили тексты Маяковского, иллюстрированные материал, дающий социально характеристику эпохи.

Другое дело, что попытка эта на первых порах осуществлена беспомощно, схематично, по-формалистски.

Разрыв поэта с эпохой 1907—1910 гг. показан так: над стендом с первыми футуристическими строчками Маяковского—высоко, под потолком — подвешен плакат о военном расстреле. Плакат выглядит так, будто он случайно забыт здесь, оставлен какой-нибудь предшествовавшей выставкой.

Совсем смехотворно выглядят витрины, долженствующие показать литературные корни творчества Маяковского и его борьбу с реакцией: символизмом, декадентством, бульварной, обывательской книгой.

Здесь красной тесьмой разграничены четыре ряда книг: налево — бульварщина, символизм и эгофутуризм, направо—кубофутуризм.

Подбор книг сделан по замечательному признаку: бульварная литература представлена тремя (действительно бульварными) книгами, именными и заглавные слова «женщина»: «Женщина на кресте» Анны Мар, «Случайная женщина» и «Женщина в лиловом» Марка Криницкого. Три книжки, представляющие литературу символизма, также об'единены формальным и «бесспорным» признаком: на всех трех обложках — затейские заглавия.

Все ошибки выявляют тем большую досаду, что выставка несет следы большой, упительной и любовной работы устроителей и обладает значительными техническими средствами: электрооборудованием, грамофонными записями чтения Маяковского его стихов, совмещенными кинофильмами.

НОГАЙЦЫ СМЕЮТСЯ

Стены и столы покрыты восточными коврами; под потолком — висячая кованая медная лампа, приспособленная под электричество. Три портрета: Маркса, Ленина, Сталина. Так выглядит изба-читальня колхоза «Интернационал». «Интернационал» — это коллективизированное хозяйство ногайских татар, недалеко от Минеральных вод, на Северном Кавказе, в селе Кангуй. Председатель сельсовета, татарин 45—50 лет (высокий, остроглазый, с висящими усами) докладывает о положении колхоза. Доклад — это статистические сведения об экономических, политических и культурных достижениях ногайских татар, о борьбе (тяжелой, упорной, подчас кровавой) с кулаками, с невежеством, с отсталостью, консерватизмом.

— ... в этом селе, в предреволюционное время была большая культура. Очень, очень большая культура, — и он тяжело опускает на стол свой мужицкий коричневый кулак, — в одном этом селе было 13 мечетей, 25 мулл и одна единственная школа для детей русских землевладельцев и служащих!

Среди слушателей — движение. Несколько молодых коммунистов, сменивших свои национальные бараньи шапки на интернациональные кепки, смеются. Старый ногаец протискивается вперед и поднимает руку: он хочет говорить. На нем желтая черкеска; вместо газырей торчат несколько наперсов, а его голова — голова патриарха.

— Теперь у нас, — продолжает председатель, — три школы с 650 учениками, стопроцентный охват детей школьного возраста. Школа, недоступная во времена царизма для молодых ногайцев, стала при советской власти основой нашего национального культурного развития.

Старый татарин в зеленоватых очках поднимается со своего стула и говорит глубоким голосом:

— У женщин не было никаких прав, их не считали людьми. Теперь они нам помогают — он поворачивается к своему соседу справа, — и мы можем вдвое больше работать и вдвое больше заработывать. Я считаю это правильным.

Председатель настаивает на том, чтобы говорили по очереди и продолжает:

— Муллы сильно эксплоатировали народ!

Ногаец с наперосами вместо газырей делает движение.

— Каждый верующий должен был отдавать мулле десятую часть своего урожая и своего скота, — продолжает председатель.

Старые татары склоняют головы. Их глаза выражают беспокойство. Но молодежь и женщины весело ждут дальнейших слов. Старик в черкеске встает опять и требует слова. Он получает его.

— То, что товарищ говорил о муллах — неверно, — и он растерянно смотрит перед собой, — мулла действительно получал десятую часть, но из этой десятой части он помогал бедным... да, он помогал бедным, — повторяет старик еще раз.

Вскакивает молодой ногаец, 23-летний Мамит Бизяков и кричит в лицо старику:

— Неправда! Он отдавал бедным не больше одной десятой части того, что получал сам, а девять десятых оставлял себе!

— Да, это так. Девять десятых он оставлял себе, — подтверждает татарка в красном платочке.

Старик татарин, принципиальный противник коллективизации, не сдается:

— Муллы делали свое дело, но это было святое дело.

Французский писатель из нашей бригады задает через переводчика вопрос:

— Вы единоличник?

— Да, я работаю самостоятельно, я не колхозник...

— Отчего?

— Мне так больше нравится.

— Сколько у вас скота?

— Две лошади и корова.

Тут поднимается совершенно седой татарин, сидевший в конце стола, разглаживает бороду и спрашивает по-русски:

— Сколько у тебя было коров и лошадей перед коллективизацией? Ответь...

Вопрос звучит строго, почти угрожающе.

Следует смущенный ответ:

— У меня было одна корова.

— И ни одной лошади? — переспрашивает белый как снег татарин. — Ни одной лошади? Значит ты был спекулянтом. Да, ты элемент... опасный.

Когда этот глубокий старик-колхозник произнес слово «спекулянт», раздались бурные рукоплескания и все присутствующие—мужчины, женщины, парни и девушки — стали смеяться. Засмеялся и председатель сельсовета, и татарин-милиционер, и ногайский учитель Караганов, и, казалось, засмеялись даже пестрые восточные ковры, покрывавшие стены.

Поднялась татарка Сева Ишмаева и спросила «спекулянта»:

— Ответь честно, когда жизнь была лучше и справедливее: при власти мулл или при сельсоветской власти?

Старый татарин в черкеске вскочил:

— Это глупый вопрос. Ведь мулла не обладал властью, он не был нашим начальником.

— А это настоящий ответ спекулянта, — возразила татарка и опять разразились бурные рукоплескания, и каждый мужчина, и каждая женщина, каждый парень и каждая девушка опять засмеялись.

Председатель продолжает доклад и сообщает о том, что коллективизация охватила среди ногайцев 901 двор и 3.673 человека. До революции здесь было 10 крупных русских землевладельцев, сдававших большую часть земли в аренду татарам. В настоящее время у колхоза 8.000 га. До революции обрабатывались лишь 10 процентов земли, остальная ее часть служила пастбищем.

Сквозь толпу протискивается высокий оборванный татарин в огромной бараньей шапке. Он крив на один глаз, его руки дрожат.

— Со мной поступили очень несправедливо, — говорит он на ломаном русском языке, — я в колхозе с 1928 года, я болен, а меня заставляют работать!

Председатель встает, чтобы ответить. Кругом перешептываются, а кое-кто смеется.

Другой милиционер, чеченец, просит слова и дает разъяснения по существу, подчеркивая каждое слово:

— Гражданин Пафа Ибраимов действительно вступил в 1928 году в колхоз. Сейчас же со вступлением он заболел и пролежал почти целый год общественной пользы. Выздоровев в 1929 году, он продал свой дом, вышел из колхоза и перешел жить к своему сыну. В конце 1930 года он с сыном воссоединился, снова вступил в колхоз, через неделю заявил, что он снова заболел, а теперь требует свою долю за весь год, когда он и в колхозе не состоял! Но мы ему не дадим ни копейки!

Милиционер садится. Пафа Ибраимов молчит. Раздаются бурные рукоплескания, и каждый мужчина, каждая женщина, каждый парень и каждая девушка смеется.

Председатель приводит в порядок свои записки и хочет продолжать свой доклад, но старый татарин в черкеске снова просит слова.

— Граждане, хотя я и не колхозник, я знаю, что советская власть хороша и справедлива. Она сделала для нас много хорошего! Она освободила нас! Но я думаю, и многие старики думают то же самое, что мы можем быть настоящими советскими гражданами и оставаться верующими.

— А кто же вам мешает оставаться верующим? — спросил немецкий писатель.

— Никто не мешает, но наши муллы не получают жалованья... им не на что жить... я думаю, что советская власть должна была бы платить жалованье муллам, как и прежде.

И тут, в третий раз, раздался такой гром смеха, что стекла в окнах задрожали.

Присутствующие смеялись от всего сердца. Вероятно ногайские татары давно уж так не смеялись.

Вот как в Советском союзе стесняют свободу совести!

Э. МАДАРАС

1-я интернациональная бригада революционных писателей МОРП и ОГИЗ

ДИСКУССИЯ ПО ТВОРЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПОЭЗИИ

Наше слово

О поэзии всерьез еще не говорили. Последние дискуссии основывались отдельным образом на прозаической продукции. Прения, РАПП проведено производственное совещание поэтов, но это является лишь началом самопроверки действительного осознания нашей практики и нахождения путей к диалектическому методу.

В своей статье мы хотим поставить на обсуждение ряд актуальных моментов нашей поэтической действительности. Мы, рабочие поэты, пришедшие в литературу до приказа ударников, расстаемся лишь в ряду с некоторыми неразрешенными до сих пор фактами. Отдельные представители старых поэтических школ и современники не поставлены на свои настоящие места по их социально-творческому весу. Нежелаемые общие разговоры и декларации о революционном классике Некрасове, о близкой направленности Гейне, Беранже, Гаврила — ничем не помогают конкретной работе. Есть молодые поэты-ударники, которые понимают учебу у Некрасова, как овладение его ритмом.

Выдь на Волгу! Там гул раздается,
Индустриальные дуют ветра.
Пароход, нагруженный, смеется,
Для колхозов везет трактора.

Вот плоды нафеньки и кустых разговоров об учебе у Некрасова. Необходимо издать ряд марксистских монографий о классиках прошлого с подлинной оценкой их наследия и только после этого рекомендовать их для учебы.

Не лучше обстоит дело и с современниками.

Со злобой наблюдаем вам, уважаемые товарищи-критики, о юбилейной поверхности ваших статей на произведения Маяковского: о Маяковском сейчас требуется может быть менее приятные, но зато более детальные работы. На наш взгляд, основное в Маяковском для пролетарской поэзии — это его ненависть к бутафории, к эстетству, его постоянное стремление к беспощадному реализму. Внедрение в поэзию новых, будничных, неопознанных объектов, стремление к оонещению поэтическим словом все новых и новых сторон действительности — именно потому, что Маяковский переделывался сам, он так хорошо знал, что именно надо переделывать, и наносил удары старому.

Но совсем не надо и очень даже вредно делать из Маяковского фетиш. Все же надо учесть, что Маяковский отчасти схематичен и примитивен. Наша действительность гораздо сложнее и противоречивей, чем творчество Маяковского. Его наследие только база для дальнейшего поэтического строительства. Он сосредоточивался, борясь с лакировщиками, бутафорами и эстетами, подлинное отражение действительности. Но — надо признать—что это были только очертания.

Для того, чтобы растущая поэтическая молодежь углубила достижения Маяковского, правильно ориентировалась в наследстве того же Некрасова, необходимо расшифровать метод диалектического материализма на определенных произведениях и показать, в каких случаях, в каких именно произведениях они приближаются к диалектическому пониманию явлений.

Работая над усвоением основ диалектического материализма, мы должны поставить перед собою вопрос о типе поэта наших дней. Старый тип поэта—не годится. Не годится старый образ жизни, старое отношение к ней и к поэзии, любовь к гастролерским выступлениям, к поклонницам и к прочим видам внешнего одобрения.

Поэты такого пошиба (а таких, к сожалению, много) живут так: если они сегодня что-нибудь создадут, то завтра же требуют признания. Если же признание опаздывает и не разлается в срок всесоюзный аплодисмент, то это им портит настроение.

Нет выдержки. Нет сознания исторической нужности своей работы. Есть любовь к эстрадной славе. Такие писатели не могут являться для нас образцами. Образцами служат Маркс, Энгельс, Ленин, Белинский, Чернышевский. Они умели пробиваться в будущее, никогда не теряя надежды на победу. У них не «разбивалась лодка о быт». Умирая почетным от чахотки (Белинский), погибая в Сибирской тундре (Чернышевский), вмещаясь всю жизнь (Маркс),— эти люди никогда не помышляли о спокойствии, потому что они знали цену своей общественно-политической деятельности.

Нам, пролетарским поэтам, нужно чувствовать себя представителями передового класса. Дело рабочего класса—наше дело.

Вот почему нужна неподдельная, органическая связь с производством. Дело, конечно, не только в том, чтобы стоять у станка два-три месяца, а в том, чтобы поведение вести общественную работу на производстве, быть связанным с партийным и производственным коллективом, с рабочим классом, как с реальностью.

Тогда придут новые темы и не придется становиться «на горло собственной песни».

Понятно, что на одну организмность нельзя полагаться. Нужно иметь четкое научное мировоззрение. С этой стороны мы, молодые рабочие поэты, довольно таки неграмотны.

Чтобы двигать историю пролетарской литературы вперед, надо быть хорошо вооруженным. И нечего сослаться на то, что рядом есть более неграмотные и кто многие хуже тебя—не по заслугам вознесены.

Многие фабрикаты бесскровных агиток часто и очень хитро прикрываются еще и носейчас фиговым листком бесстрастной поэзии. А по существу—это беспомощные шедевры, тормозящие развитие подлинно-большевистского искусства. Мы против агитки—носительницы серяпливости, поверхностности, абстрактности, внешнего восприятия мира, неорганичности.

Мы за агитку—живущую внутренним голосом поэта.

Мы за недумную тематику реконструктивного периода, за показ людей в процессе их социалистической переделки. Но это не значит, что в круг этих тем не входят также проблемы, как отношение к природе, любви, смерти, и т. д.

Можно и нужно писать стихи, например, на такие темы: — «Смерть любимой», «Ревность», «Старость»... И на этом материале, как правило, особенно выпукло сказывается полная вооруженность поэтов мировоззрением рабочего класса.

Пушкин и в таких темах, как природа, умел выражать восприятие своего класса:

Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бреднею левою,
Прохладу лип и кленов шумных сводов —
Они знакомы вдохновению...

На чем держалось такое восприятие природы?

Остаться, тайный страж, в направленной сени,
Пастушка робостью полуночного сна
И от недружеского взора
Счастливый домик сохрани...

Вот—социальная база. Вот—основание для барского восприятия природы. Нужно научиться у Пушкина философски завоевывать мир.

Мы молоды. За нашими плечами—по четыре года поэтической практики. Пробиваясь сквозь ошибки, сквозь срывы и неудачи, мы хотим осмыслить дороги, по которым пойдем и по которым должны пойти пролетарские поэзии.

ВАЛЕНТИН ЛОЗИН
АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ
ДМИТРИЙ СОРОКИН

Ленинград.

обезличка в поэтическом словаре

I

«Обезличка» нетерпима и в художественном творчестве.

Обезличенное, теряемое, как футбольный мяч, в разные концы сладкого литературного поля, слово, эпитет, метафора в последнем счете утрачивают свою классовую действенность.

Слово должно быть конкретным. Смысловая функция его не должна вихлять из стороны в сторону. Слово должно быть приклано к общей конструкции произведения, так же, как в правильно действующем механизме приклепаны отдельные детали.

Словесный материал работает на тему только тогда, когда преодолена в нем «обезличка», когда слово найдено, как художественный «термин», как художественно-точное определение.

Отсюда ясно, что нельзя писать о пятилетке, не обогащая поэтический словарь, не обновляя его за счет тех речевых ресурсов, которые в действительности, в быту, в производстве мобилизовывались на выражение и обоснование технологии, экономики и социологии нашей стройки.

Опишите пейзаж стройки, оперируя палитрой Фета или Бальмонта.

Вскройте психику ударника, опираясь на словарь Блока.

Это—задачи неосуществимые.

Но освоение новой художественной терминологии может итти лишь через проникновение в ее классовое содержание.

Арсенал поэта обогащают не технические термины, как таковые, не совершенные технологии стройки, а та социалистическая классовая установка, которая им движима и которую должен уметь вскрыть художник.

«Обезличка» слова — это утеря словом его классовой функции.

II

Стихи И. Сельвинского «Как делается лампочка» рассаживают на самых почетных местах технические термины. «Натрий, марганцевая окись», «соляная кислота», «вольфрамовый ангидрид», «водород», «микрон», «гито Мельгуноз»—все эти слова использованы не в переносном, а в прямом смысле.

Поэт прослеживает рождение лампочки, беря технические процессы в прямой связи с ударничеством, соцсоревнованием, с качественно новыми явлениями социалистического предприятия.

Техническая биография нового создания составляется не из одних химических наименований.

Тут и «дивизии встали плечо в плечо всех заводских общественностей» и «ударный» оппортунист, и бюрократия, требующая сокращения опытов.

А итог:

О нем в газете мельнуул петит,
А нужно бы—поэмы!
Его назвали «ПОБЕДИТ»
По нашей поездке военной.

И Сельвинский правильно говорит:

Итак, отвлеченной истины нет!
Нить, которая «кажется»,
Идет на мир буржуазных теней
Фактом эмпирифициин.

Органическим поэтому получит заключение:

Вот как делается революция.
То бишь, это... лампа.

Советская лампочка, электрозаводская технология могут быть понятны лишь в свете общей социалистической, революционной перестройки.

III

Стихи И. Сельвинского прокладывают путь к показу техники нашей стройки. Ударник вообще, завод вообще изобретательство вообще — это стремя «космизма».

Общее проявляется в конкретном. Но конкретного ударника нельзя показать вне производственного процесса, вне орудий производства, материалов, инструмента, вне цехового заводского пейзажа.

Поэт уверяет, что его поэма будет доступна только электрозводцам.

Это неправильно.

Техника растолкована столь усердно, что фабзавучник любого предприятия постигнет ее.

И все же стихи «Как делается лампочка» ведут к «обезличке».

Классовая функция «технических терминов» в обрисовке советским поэтом советского производства — показать: «Вот как делается революция. То бишь, это... лампа».

— Что это значит?

«Технические термины» должны быть подсобными в выявлении человека, в выявлении ударника-пролетария — основной движущей силы производственного процесса.

У Сельвинского они эстетизированы. Они облечены рифой и перед нами возникла лампада.

Электрическая лампочка состоит из
Цоколя и ножки,
Огненный зоб стеклянного голубя
Наполнимая нимбиком.

«Огненный зоб» должен наложить лак красоты на электрическую лампочку. Иначе получается каталог.

Такое же генезис всех этих «огненных флюритов», «стеклянных слов» и проч.

Такая надобность исчезла бы, если бы Сельвинский шел от ударника к лампочке, а не от лампочки к ударнику.

IV

Другая попытка эмоционировать всем богатством технических выражений поэтический словарь сделала М. Зенкевичем. В ранних своих стихах М. Зенкевич поэтически удачно вводил в некоторые стихи научную терминологию. Сейчас в отрывках из поэмы «Мышиная страда» («Новый мир», кн. 6) и стихотворении «Комбайнерша с Красной Дакии» («Красная новь» № 29), он продолжает опыт с технической терминологией.

Место действия—совхоз.

Действующие лица—ударники, трактористы, комбайнеры. В поэме даны машины, даны ярко, выразительно.

Мотор за мотором, взрываясь, ревет,
Что это—цепная эскадрилья
Рвет и мечет,
Мечет и рвет,
Вопоча по пшенице подбитые крылья?
За аэропланом аэроплан
Бежит чудовищной тяжеструзной,
Силясь стряхнуть тяготения плен
С его приземляющей нагрузной.

Нигде машина не предстает как орудие перестройки общественных отношений, нигде не открыта общественная функция этой машины. Машина в столкновении с человеком: интервьюер давит на-смерть заснувшего на поле рабочего.

Может быть и удачный повод для поэтических упражнений вообще, но для «Совхозовского», наше, классового нам рабочего в подобном месте «техническим» восприятия нового?

И оказывается, что тема смерти, эпическая, переживающая века — главное, к катеринаер—лишь повод для ее раскрытия.

И оказывается, что точно перечислены все моменты трудового дня «комбайнерша с красной доски», поэт все же оставляет нас в неведении относительно этого ударника. В изведении, ибо нет его классового облика.

Стихи М. Зенкевича написаны с большим мастерством. Но в них нет ничего относящегося к нашей теме, к новым образам, а не усовершенно по-настоящему.

Думается, что и здесь мы имеем дело с явлением «обезлички» словесного и образного материала. М. Зенкевич несомненно хотел показать большевистскую совхозную стройку, а вышел парад машины, показал трудных процессов, ибо в тени оказалось классовое.

V

Неудачи И. Сельвинского, неверный путь М. Зенкевича только подтверждают всю важность для поэзии овладения техническим термином. Надо знать и вольфраме и катеринаере (марка такая-то) с таким же поэтическим бесстрашием, с каким ломал обычные рамки поэтического словаря хотя бы В. В. Маяковский.

Но надо бороться за слово, пронизывающее классовой направленностью, за классовое расширение термина, против его эстетизации и отрыва от стоящих за ним общественных отношений.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

поэма большевистской зависти

«Трагедийная ночь» Безыменского ставит центральную проблему нашего времени в ряде кадров передовых индустриальных рабочих «ленинского стиля рабфаны», сочетающих максимальную американскую деловитость с непоколебимым революционным размахом. В таком, марксовского значения этого слова, смысле поэма «Трагедийная ночь» явилась как бы своеобразной поэтической прелюдией к исторической речи Сталина о технике.

Таким образом, в первую очередь мы констатируем идейно-тематическую актуальность поэмы. Она злободневна как по своей конкретной тематике, так и по уровню идей.

«Трагедийная ночь» есть поэтическое обобщение практического опыта непосредственного участия поэта в практике социалистического строительства своим специфическим поэтическим орудием. Стихи, лозунги и эпиграммы из «Стоим делают сталь» представляют предварительные эскизы к «Трагедийной ночи». Кто видел выставку экспозиций заводов И. Ленина «Эмпрессиды», мог видеть и то, что эта законченная картина кругом обвешена эскизами, представляющими отдельные куски из той же картины и имеющими, вместе с этим, самостоятельную ценность.

На ликвидацию прорыва пошли сотни поэтов разных направлений. Работа Безыменского и вообще пролетарских писателей, по-большевистски включившихся в процесс ликвидации прорывов, показывает от работы, с одной стороны, лирики левацкого или около-перевальского толка и, с другой стороны—слова лефовского или около-лефовского толка.

Поэты первого типа в своих лозунгах подходят к рабочим со стороны и как бы упрашивают рабочих ликвидировать «случившийся» прорыв. Эти люди не могут обращаться к рабочим, как к хозяевам, которых они именем пролетарской чести и доблести должны призывать за прорыв, они не могут их звать вперед. Их лозунги, стихи, плакаты есть хвастливая констатация фактов прорыва и «трогают» они рабочих только в том смысле, что вызывают удивление, никак не сплачивая, но ведя их в бой.

Поэты второго типа пишут лозунги и стихи о прорыве, смотря на прорыв сверху вниз. Здесь убеждение заменяется рифованным окриком. Кирсанов хорошо делает, много работая в этом направлении, но он не всегда способен убеждать. Он хочет блеснуть резкой рифмой, афоризмом, пугает, даже кричит—и все.

Для поэтов этого типа характерно неумение исходить из конкретных обстоятельств данного прорыва. Они приносят сверху, т. е. рационалистически и схематически, абстрактные рифованные призывы.

Безыменский и другие находят их у человека этого самого класса, к которому обращаются. Будучи частью своего класса, они не упрашивают и не ошарашивают рабочих своими лозунгами, а мобилизуют и укрепляют в них самих их имеющуюся пролетарскую сознательность. Они ведут рабочему именем его же классовой сознательности:

Об'ективные причины выдумывать не сметь.
Не надо оправдывать чужое бессилие.
Об'ективные причины должны иметь
Имя, отчество и фамилию...

Они исходят из точного изучения об'ективной действительности и, давая в лозунгах-стихах отображение конкретной обстановки дня, максимально мобилизуют суб'ективные силы класса, ибо этот суб'ект есть тоже об'ективные условия реальности наших планов. Таким образом и тут та же американская деловитость и наш революционный размах.

В свое время миниатюрами «Гаги» Безыменский начал своеобразную реконструкцию пролетарского лозунга конкретизация творчества.

Однако «Выстрел» был отступлением от этой линии, несмотря на то, что тематически он был новым тихой. «Выстрел» не случайно был выстрелом перед литфронтовским «методологическим» походом. Как известно, тут имелись элементы механицизма, отслужения от конкретности, рационалистического схематизма, левацкого эпигонства и обывательщины, и, наконец, риторики (часто очень остроумная, меткая, но разящая бюрократизм).

И вот сейчас на стороне Безыменского в «Трагедийной ночи» мы видим серьезные элементы поворота, значительный шаг вперед на пути преодоления большевистского художественного метода. Но это не просто повторение метода миниатюр «Люди» — это дальнейшая ступень этой же линии на новой, идейно-повышенной и тематически более серьезной основе. Уроки дискуссии Безыменским целой неделей, частично учтены. Не так уже важно его нежелание декларативно сознаться в этом—важны ведь дела,—а дела показывают необходимость отступления от лифронтовского метода, если Безыменский хотел исправить допущенные им в «Выстреле» ошибки.

Элементы рационализма и схематизма, имеющиеся в «Выстреле», были плодом некоторого отставания автора от практики классовой борьбы, несмотря на то, что тематическая актуальность пьесы как бы говорит обратное. Это может показаться парадоксом. Однако это так. Несмотря на актуальность «Выстрела», наличие в нем элементов рационализма говорит о том, что автор подходил к этой тематике с методом, неизбежно ведущим к некоторому отставанию. И совершенно естественно, что рационализм Безыменского, поэта занес не отрадающего отвозможностью от своего класса, сомкнулся с теоретической схоластикой, регламентацией и годам методологизированием оторванных от практики пролетарской литературы учеников меньшевистского профессора Переверзева. Нам кажется естественным и то, что Безыменский встал на путь нажития имеющихся у него элементов рационализма и схематизма именно после поражения «Лит-фронта» и в процессе непосредственного включения в практику ликвидации прорыва.

В чем же собственно выразилось это движение вперед?

Во-первых, люди Безыменского берутся в процессе общественной практики, и практика эта дана как результат практики людей. Давая блестящие картины перестройки материального базиса, он уже не ограничивает стуком и громом (как в «Выстреле») голос героев, ведущих этот бой, но дает именно конкретную обстановку самого хода борьбы и конкретную обстановку борцов, их переделку в ходе этой борьбы.

Дема Токарев дается в деле как страстный соревнователь. Но это еще не все: нужно дать и то, как и чем движим Токарев в этом своем соревновательном устремлении.

И когда возникает вопрос, чем же собственно движим Токарев, Безыменский отвечает: большевистской завистью.

Здесь Безыменский приходит к необходимости дать идейно-психологическую жизнь своих героев и расшифровку слова «зависть».

Понятие зависти Безыменским применяется политически, по существу жалто исполнено большевистской страстности и пафоса в строительстве социализма.

Подай! Напетай!
Нашей силы не жалко!
Работать—так буйно.
Работать—так пылко.

Вот эта буйность, пылкость и рвение к большевистской стройке выступают в поэме в качестве «зависти».

Некоторым может показаться, что автор взял совершенно не верный термин, но, во-первых, не в термине дело, а в сути и, во-вторых, поэма ясно говорит о какой зависти идет речь. Это не зависть буржуазного эгоиста,—с такой завистью Токарев не мог быть настоящим большевиком и выдержанным членом райкома.

По отношению к чему в каком зависть у героев Безыменского?

Вот первый «завистник» — Токарев. Он страстно завидует техническим эпигонам американского рабочего Хаустона. Он несколько раз бит в индивидуальном соревновании с ним. Тут у Токарева начинается «раздвоение» — «быть или не быть»? Безыменский отказывается от свойственного лифронтовству психологизма и схематизма. Только отказываясь от этого лифронтовства, он бесстрашно смог дать психологию Токарева, его «трагедийные ночи» при решении вопроса: будет или не будет он знать новых «америк», чтобы реализовать слова великого гимна: «Мы наш, мы новый мир построим». Психология эта есть психология борьбы, а не самоизъяния, и дается она не в отрыве от общественной жизни героя, а непосредственно в связи и на основе этой жизни. Токарев взялся за дело, большевистски приступил к технической учебе. Барьер этот будет взят — вот исход «трагедии», вот куда направлена «зависть» Безыменского.

Второй «завистник» — американский рабочий Хаустон, бьющий Токарева в индивидуальном соревновании, как техник, но битый Токаревым в бригадном соревновании, как бригадир, как организатор. По-большевистски переживающий Хаустон страстно завидует Деме Токареву, знающему язык русской революции. Хаустон по словарю—буква за буквой, слог за слогом — силится прочесть русский текст Ленина, стараясь непосредственно воспринять наш опыт большевизма, чтобы не отставать от Демы Токарева. Если «трагедийные ночи» Токарева проводит в технической учебе, то такие же «трагедийные ночи» Хаустон проводит за изучением Ленина.

Дема — русский рабочий, большевик завидует технике американского квалифицированного рабочего Хаустона, а беспартийный американский рабочий Хаустон завидует большевистской стойкости Демы Токарева. Безыменский показывает, что несмотря на «трагедии», на противоречия, русский большевик Токарев будет американским техником, а американский техник Хаустон будет русским большевиком.

Третий «завистник» — сынишка Хаустона, уже говорящий на украинском языке, уже воспитывающийся на нашей основе. Какие же у него трагедии? Не мучим ли он, как Борис в романе Либединского «Рождение героя», только проблемами личного быта? Не есть ли самовоспряние эти психология «зависти-ка»? Чего же ему не хватает, кому и чему он завидует?

Вчера в сердце лихая беда —
Матерая мальчишечья зависть:
Ридни вспомнил размашистый кран.
Эх, грохает! Ну, и летит же!
Батько с Демой зажгли Дніприльстан...
Им обоим завидует Ридни.

Наконец, в поэме есть и четвертый «завистник» — сам Безыменский. Он страстно завидует всем своим трем героям—свидетельство этому—вся его поэма. Гордясь своими героями, автор, иногда улыбаясь, разъясняет им, что их зависть ведет к «прекращению прений», что эта «зависть» есть веление большевистского сердца и ума и что это, собственно, не зависть, а кличка социалистической стройки:

Луна, зависимая! Не тени!
И вот уже луна смеется,
Смеется над тремя подьем,
Что у станков сидят терзаясь,
Листают буквы и тома,
И называют словом «зависть»
Волненье сердца и ума.
Луна им подсказать готова
Слова, которые нужны...
Но автор говорит сурово,
Что прения прекращены.

Никаких принципиальных «прений», «зависти» и «трагедий» нет между этими четырьмя «завистниками», так же, как нет зависти между сотнями тысяч соревнующихся ударников ударной бригады мирового пролетариата.

П. НИКОДЗЕ

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ ОПАСНА?

I

— Иль я не знаю, что, в потемки тычась,
Вовек на вышнем б и свету темнота?
Иль я — урод, и счастье сотни тысяч
Не ближе мне пустого счастьица?
И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косности косней?
Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста.

В этих строфах — весь сегодняшний Пастернак с клубком неразрешимых для него противоречий, с конфликтом между бесспорной тягой к революционной действительности и непружинистью в поэзии поэтического искусства. Должен ли сдать сделан выбор. Пятилетка и поэзия несовместимы. Вакансия поэта в дни социализма пуста, либо опасна для «счастья сотен тысяч». То, что намечено в «Записной книжке» Ю. Олеши, здесь получает законченное выражение. Пролетарская пятилетка, ее борьба, ее поэмы. Но как же быть с «грудною клеткой», с «косной с тщетами», с поэзией, — косной, сопротивляющимся, отстающим от нас в пятилетке? Победа социализма—смерть искусства. Вот почему опасна вакансия поэта: в ней сосредоточиваются силы, противостоящие социализму.

Нельзя отказать Пастернаку в последовательности, в умении доходить до логических пределов. Но при этом он делает две крупных ошибки: во-первых, ему кажется, будто поэзия, о которой он говорит, равнозначна со всякой поэзией; во-вторых, он напрасно предполагает, что «вакансия поэта» может быть в дни дня свободной. Однако, при полности своих исходных установок он прав в одном. Мы присутствуем при распаде, разложении и предсмертных конвульсиях целого типа искусства, целых направлений в нем, целого комплекса идейно-художественных установок. В общей перспективе развития искусства в эпоху социализма это — один из эпизодов, но эпизод значительный и дающий основание для ряда уроков и выводов.

В статье «Концы и начала» («Новый мир» № 1) Вяч. Полонский говорил, что «шопот, робкое дыхание» «могут подождать». Вяч. Полонский думает, что «шопот» и «робкое дыхание» сейчас несвоевременны, но что в будущем, когда минуют острые напряжения борьбы, когда мы построим не только фундамент, но и здание социализма, тогда — о, тогда понадобятся Фет, «шопот», «робкое дыхание», музы «чистого» искусства. Вяч. Полонский может казаться, будто он мыслит исторически. А на самом деле он пытается узаконить категории буржуазного мышления и перенести на искусство разрушенного социализма понятия и представления, сложившиеся в исторически-ограниченный период развития буржуазно-дворянского искусства. Спор о Олеши и Пастернаке о том, будет ли искусство при социализме, в данной плоскости достаточно отвлечен и примитивен. Не в том суть,—конечно же, искусство будет, конечно же его ждет при социализме расцвет. Вопрос начинается вслед за этим, каким будет социалистическое искусство, как изменится его функция, какова будет его структура.

II

Роман в стихах Б. Пастернака «Спекторский» * позволяет сделать кое-какие выводы о закономерностях развития искусства в наше дня. «Спекторский» органически воспринимает в преведенному выше стихотворению Пастернака.

Искусство — специфическое мышление. Но часто оно бывает мышлением не только неявным и неточным, но и неизвестным. Одним из примеров такого неосознанного мышления является искусство суб'ективного идеализма, наиболее ярким выразителем которого в современной русской поэзии является Борис Пастернак.

Его художественная речь насыщается лишь какой-то небольшой дробью, теряя функции социального общения: она растворяется в тумане намеков, суб'ективных образов—иероглифов, допускающих множество различных и исключающих друг друга толкований. В «Спекторском» Пастернак пишет:

Поэзия, не поступайся миром.
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся точками и пунктиром
И зерен в мере хлеба не считай.

Последние две строки могут быть названы как призыв к устранению из поэзии излишних деталей и к творческому сосредоточению на основных закономерностях. Но у Пастернака удаление подлежит на деле как раз основное, закономерное, то что, дается материей, общественной жизнью, общением человека с человеком. Пунктир его поэзии характерен отстранением разума. Идеология буржуазного общества усугубляет непримиримое противоречие между мышлением и понятием и мышлением в образах. Основной тенденцией развития буржуазного искусства, после того как эпоха буржуазного общества пошла вниз, было такое устранение из искусства его разумной подосновы, когда искусство утрачивало видимость специфической формы мышления. Основной тенденцией развития социалистического искусства является уничтожение противоречия между понятием и образом. Наука перестает быть принципиально-враждебной искусству. Различные виды мышления сближаются между собою. Искусство поворачивается лицом к разуму. «Да здравствует разум!»—эти слова оно ставит своим эпиграфом. Из предшествующей истории искусства оно отбирает прежде всего то, что было выражением разума эпохи и класса. И оно отбрасывает то, что было порождено буржуазным распадом сознания,—в том числе и вдохновенное лицемерие в искусстве.

Значит ли это, что искусство становится рационалистичным? В годы, когда пролетариат перестраивает по сознательному плану все области общественной жизни, когда организуется сознательный поход за подчинение природы человеку, когда в искусстве происходит борьба со стихийничеством, с медиумизмом, с теориями ведущего начала подсознательного,— неизбежно — для некоторых художников, приближающихся к идеалам пролетариата — влияние рационализма в искусстве, и в поэзии в частности. Но неизбежность вторжения рационализма вовсе не означает неизбежности его закрепления в искусстве. Эти движения не есть маршрут движения в целом. Рационалистические тенденции являются детской болезнью зарождающегося социалистического искусства. Как известно, болезни лечат лекарствами и предупреждают рядом профилактических мер.

III

И вот — «Спекторский», роман в стихах. Читатель с недоумением дочитывает девятую и последнюю главу: где же, собственно, роман, как органическое единство, обладающее единым идейно-художественным пунктиром? Такого романа нет, такой пунктир отсутствует. Читатель обрелся на изучение отдельных точек последнего, т. е. вынуждены делать то, против чего предупреждал сам автор.

Б. Пастернак

Нет смысла передавать сюжет «Спекторского» — настолько он рассыпан в случаях. Скажем только, что время действия — тридцатый и девятнадцатый годы, между которыми — шестилетние провалы, что место действия—Москва, что действующие лица—интеллигенты, но большей части немного богемствующие, живущие оторвано от общественно-политической жизни, сосредоточенные в себе, в своих суб'ективных настроениях и переживаниях. Кто такая Ольга, первая любовь Спекторского, появляющаяся в начале и исчезающая в конце второй главы? Этого мы не знаем, как не знаем ничего о сестре Спекторского—Наташе или о Бахтеевых, которые организуют новогоднюю попойку в подмосковной даче, или о Бальке, у которого происходит встреча Спекторского с Марией Ивановой,—как мало знаем о самом Спекторском и Марии,—как почти ничего не знаем о социальной среде, в которой развертывается «роман». Это и не нужно, ибо Пастернак намеренно отвлекается от всяких социальных характеристик, но и психологическая характеристика действующих лиц не дается им. Все они—не исключая Спекторского—куклы из театра марионеток, дергаемые рукой, бесплатные приложения к вешам.

Кто такой Спекторский, к примеру? Репетитор, судя по некоторым данным—студент, поэт. Вот и все внешние данные. Он—«человек без заслуг», как его рекомендует Пастернак. Надо думать, что правда его сестра, когда она говорит:

... Ты молод. Это—плюс.
А вот отрыв от поколенья—минус.
Ты вне исканий, к моему стыду.
В каком ты стане?..

Слова Наташи справедливы, потому что Спекторский, действительно, «двух станов не воин» и даже не «воин случайный». Он безлик. Пастернак не создал его образа. Неудавшийся роман «Спекторский» лишен героя и красок. На частном примере тут дополнительно подтверждается слова А. Блока из его «Дневника», формула мнимостных исканий и поражений: «поза не лишена действительной связи между временным и вневременным, до тех пор не стоящим внимания, не только понятным, но и кому-либо и на что-либо, кроме бодовства, нужным».

В этом разгадка того, что Пастернак не знает ни классов, ни людей, ибо он замкнут в себе и занят собой, комбинациями своих ощущений и столь же суб'ективных понятий. В этом дело, а не в иной неубедительных сентенциях, разливаемых в последних главах романа насчет того, дескать, что личность побеждается временем и растворяется в стихиях революционных потрясений.

Если отсюда полейся к «Спекторскому», то пунктир его станет ясен: стоит только отказаться от мысли, что в «Спекторском» мы должны искать непосредственное отражение общественного движения последних десятилетий. Такое отражение дано через творческую призму Пастернака, рассеивающую и разтребляющую луч и в лучшем случае выпускающую отражение в перевернутом виде. Тогда «Спекторский» предстанет перед нами как серия лирических стихотворений. И, сравнивая эту серию с предшествующими книгами автора, мы придем к выводу о глубочайшем кризисе Пастернака—кризисе творческого метода и мировоззрения.

Что связывает между собою девять глав — девять эпизодов — девять лирических стихотворений «Спекторского»? Это — эра, тесно друг с другом переплетающихся, мотивы: мотив кризиса и краха прежнего мира тонких мыслей, чувств и переживаний, взращиваемых в узкой группке неопределенного — дальнобойных интеллигентов, и мотив осуждения и обесцвечивания жизни, — мотив вовсе не биологический, но прежде всего идейно-философский. Оба эти мотивы были налицо в прежнем творчестве Пастернака, но именно в «Спекторском» они стали господствующими.

Пусть не показала в «романе» жизнь, идущая вперед — сегодняшний Пастернак бессилен ее воссоздать, — но не без основания в последней главе на адресу Спекторского звучит: «мой друг, как ты наивен!». Пастернак констатирует бессодержательность, «наивность» Спекторского и Спекторских. Но делает он это не без тайной грусти по адресу тех времен, когда так молодо и вольно подтягивались новогодние загородные поездки, когда так молодо и больно протекала любовь Спекторского к Марии:

Он стал ходить в немастье; чуть расцветши;
Во сне; в часы, которых в списках нет.
Отказов не предвиделось в приеме.
Свиданья назначались: в шуме птиц;
В кистях дождя; в черемухе и грозе;
Везде, где жизнь, и двум не разойтись.

Достаточно сравнить нежность этих строк с мрачным колоритом строф, посвященных девятнадцатому году, чтобы понять многое в эмоциональной окраске «Спекторского». Пастернак — поэт той интеллигентской прослойки, которая была порождена процессами разложения, происходившими в буржуазном обществе, это общество ненавидело, но брало у последнего в качестве своего основного принципа принцип индивидуализма, доводимый до пастернаковского суб'ективного идеализма. Пролетарская революция и социализм означают обеспечение всех условий для подлинно-свободного развития индивидуальности, и одновременно — неизбежность гибели буржуазного индивидуализма. Отсюда — кризис Пастернака, отсюда—«Спекторский», отсюда же и мотив жизненного увядания. В прологе к «Спекторскому» Пастернак пишет:

Я б за героя не дал ничего
И рассуждать о нем не сперва б начал,
Но я писал про корабль пучеиой,
В котором он передо мной мачтил...
Про то, как ночью, от норы к норе,
Дрожа, протягивается в далекость
Зыбь косых московских фонарей
С тоской дождя, попавшего в их фокус...
...Сентябрь. Осень, сырость, старость, муть:
Горшки и бритвы, щетки, пальто...
И жизнь прошла, умела проскользнуть,
Как ночь под стук обшарпанной протезы.
Свинцовый свод. Рассвет. Дворы в воде.
Железных крыш авторитетный тезис.
Но где ж тот дом, та дверь, те детство, где
Однажды мир проезжался, грязясь?
Где сердце друга? — Хитрых глаз прищур.
Знакомы ль вы такого-то? — наслышкой.
Да, видно, жизнь проста, — не чересчур.
И даже убедительна,—но слишком.
Чужая даль. Чужой, чужой, из труб
По рвам и шляпкам шлепающий дождик,
И отчужденьем обращенный в дуб,
Чужой, как мельник пушкинский, художник.

***

Теперь понятно, почему Пастернак так опасался того, что в наши дни оставлена вакансия поэта. Но предупреждение его ему следует отнести прежде всего и самому себе. Предложение линии «Спекторского» опасно (и очень опасно!) для самого Пастернака. Линия его большой поэзии Пастернака и линия искусства социализма расходятся, — они никогда не встретятся.

Значит, Пастернака нужно сбросить с «корабля современности»? Нет, не нужно. Пастернак поставил вопрос о социализме и искусстве. Но при этом он совершил непростительную политическую ошибку. Его творческий путь на сегодня он отождествил с путями искусства вообще,—суб'ективно-идеалистические предпосылки дали себя знать и тут. Не выход есть. Этот выход, нелегкий вообще, а для Пастернака особенно трудный, заключается в коренном перевооружении. Трудность заключается в том, чтобы понять, что мировоззрение Пастернака обедняет мир, не позволяет раскрыть его перспективы завтра и вообще, не дает возможности понять его движение, в конечном счете обеспечивает его.

Есть и у самого Пастернака такие творческие узлы, от которых принципиально мыслим путь к преодолению кризиса: «1905 год», а в самом «Спекторском» — ряд строф, дающих великолепные характеристики различных групп старого общества.

Будущее решит. Мы еще плохо отдаем себе отчет в размерах силы, которая производит социалистическую переделку человеческого материала и темпы нарастания которой гигантски увеличиваются к концу первой, а особенно во второй пятилетке, после окончания построения фундамента социалистической экономики, в разгар культурной революции.

халтурная саранча на бумажных полях — злейший враг большого искусства — большевизма

лицо торжествующей пошлости

ВАЛЕРИЙ ПУШКОВ. «Весна трех», Моск. т-во писателей М. 1931. стр. 172. Ц. 1 р. 60 к. Тираж 5.000.

Характерный для всей книги эпиграф из Ст. Цвейга взял автор: «Из лени, трусости или недостаточной проницательности наши писатели будут только верхний, освещенный слой жизни, где чувства взаимяются открыто и умеренно, в то время как там, в погребах, вертепах, в клоаках человеческого сердца вытворяется, фосфорически тепыхается, самые опасные животные страсти».

Показать эти «животные страсти», показаться в вертепах и клоаках человеческого сердца» задался целью Пушков. «Весна трех»—рассказ о «сиюминутной любви» советского педагога Ольгуши, его дочери Инны, их «экономки» Ольги, секретаря школьной ячейки ВЛКСМ Перегина и др. Любовные переживания всех этих персонажей по Пушкову и есть начало «весны». Для Инны «весна» началась, когда она полюбила Перегина, для Ольги—со встречи с Красным.

Пушков не показывает нам Краева в педагогической практике, так как Пушкова больше всего интересуют исключительно «животные страсти» Краева. Зато на поприще Перегина легко проследить халтурное приспособленчество автора. Перегин—«полуклассовая личность». Среди комсомольцев и пионеров он пользуется огромным авторитетом. О нем «ходили легенды». Однажды зимой, глубокой ночью его проследили идущим по улице, громко разговаривающим с самим собой—«оказалось, что он повторяет, почти наизусть, речь Сталина о правом уклоне» (стр. 55). Подарок Перегина, с его сторонницей классовой выдержанностью, «не нужает бесконечайшего» Инны—предмета его любви. «Несмотря на всю ее сложность к идеалиму, она хорошая активистка и хотя не признает неизбежности обострения борьбы классов, но лишь потому, что недостаточно задумалась в эту сторону, мало читала Ленина, Сталина, Орджоникидзе и многих вождей рабочего класса» (стр. 22).

Эти «доводы» и рассказ Перегина о своей жизни возымели свое действие и кончились тем, что «Инна, разинув рот, обхватила Арифия за шею и поцеловала в губы так поступенно» и т. д. «Бедный! Милый!—прошептала она: целуй меня сколько хочешь. Я никогда ничего тебе не скажу... Ты лучше всех. Я завтра же вступлю в комсомол» (стр. 25).

Время, когда смачно описываются эти любовные истории—время «головокружения от успехов». Пушков поэтому механически принимает левый загиб перегибания и извращения в колхозной политике.

Половой проблемой «весны» до отказа все «политические моменты». Вождь «левых» оппортунистов Варенников добровольно «отступает» от «классовой мятежности» и его место «занят» Бобыкин, заместитель секретаря райкома. В награду за это Бобыкин становится политическим сторонником Варенникова (?). Комментарии, как говорится, излишни.

Перегина посылают в разваливающиеся колхозы для их укрепления. Дальше все идет, как в плохонькой американской фильме. Как только Перегин приехал в коммуну—она стала крепнуть... «Производительность труда возросла, жилище улучшилось, культурное, шаткое положение масс сменилось бодрой уверенностью. Единоличники пошли заявления о приеме в колхозы» (стр. 54).

Во втором рассказе—«Радиотеле», как и в «Весне трех», стержнем пушковского творчества остается все та же «проблема». Один из его героев—Дмитрий, студент вуза. Вдруг выяснилось—ставрудо знал, что ахиллесовой пятой человечества является полная неудовлетворенность» (стр. 123). Чувственным вниманием к семейной жизни и семейному благополучию наделяет Пушков другого героя—большевика Лобачева, он же «бывший политкаторжанин и работник советского наркомата». Автор пишет вставных о борьбе Лобачева за хлопок в Средней Азии, но это только орнаментальный ассортимент, конечно.

Когда студент Дмитрий узнает, что у бывшей комсомолки Натальи будет от него ребенок, он немедленно заражается сифилисом и оставляет Наталью записку о том, что он покончил с собой. Наталья, беременная определенное время, выходит замуж за старого партийца Лобачева. Втайне жизнь показывается Дмитрий, и Наталья опять любит Дмитрия. Лобачев размышляет, как ему поступить. «Опытный боец, не раз сталкивавшийся в жизни с жизнью за дела партии и класса, он оценил положение сразу и знал, что побежден быть не может». Не в конце концов он решил «отступить» Наталью. Характеры каких этих чувственной логгинды: Лобачева вызывает к телефону и сказав загадочную дверь комнаты он увидит «нагих Наталью и Дмитрия, слитые в поцелуе». Тогда он им сообщил, что он вызывает на пленум. «Он сознает на пленум его (Лобачева) не вызывали, если было нужно... но видеть жену в объятиях другого оказалось не так легко. Даже после пятилетки!»

Пошлейшая халтура сквозит в каждой строке рассказа. Наташа «поглядывала за красочные портреты вождей и точно опрыскивалась в своих глубоких чувствах, думала о любви Ленина к Надежде Крупской, о дружной семье Карла Маркса, о пылком сердце Дзержинского» (стр. 117). Что еще, в самом деле, могло эту «героиню» рассказа Пушкова заинтересовать в Ленине, Марксе, Дзержинском?

Вот отвратительно-пошлая густо окрашенная в красный цвет халтурная бульварщина, преподнесенная в 1931 г. советскому читателю Московским т-вом писателей.

Какую благодарность однако заслуживает издательство за этот пахучий подарок?

Я. ХЕЙФЕЦ

Кружок рабочей критики «РОСТ»

ДОЛОЙ халтуру!

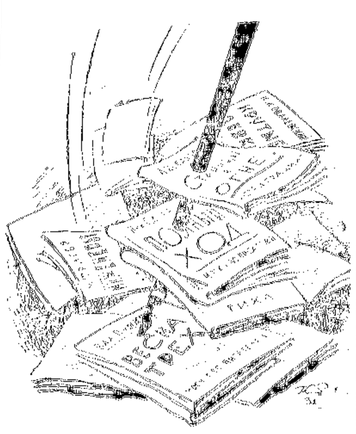
У всякого писателя могут быть неудавшиеся, ошибочные, схематические произведения. Различна мера индивидуальной одаренности писателя, различна мера глубины его мировоззрения.

Но неудачное художественное произведение и халтура—явления различного порядка. В предлагаемой вниманию читателя странице «Литературной газеты» речь идет именно о халтуре.

Халтура питается **неудовлетворенными потребностями, пред'являемыми к искусству.** Читатель требует, к примеру, художественную утопию о социалистическом будущем. Зритель хочет видеть на сцене профессионального или самодеятельного театра пьесы о сегодняшнем дне, о классовой борьбе, о предательстве. Радиослушатель ждет на эфиру художественные отклики на злобу дня. Но отставание искусства от практики социалистического строительства еще не преодолено. Задача на подлинное искусство не редко остается неудовлетворенной. Тогда на сцену выступает халтурщик.

Халтурщик отличается быстротой и ловкостью, поворотливостью. Он может **«в два счета»** откликнуться на любую тему. Он не прямо размышлять, да и не способен к размышлению. Для него не существует никаких неразрешенных вопросов и никаких трудностей. Он без большого труда **опошляет** любую тему и любую идею. Пользуясь полной хаотичностью, шаблонными идеями и порой затасканными и стершимися положениями из плохих буржуазных романов, он может мигом состряпать любой роман, любую пьесу, любую новеллу. У него—обостренный нюх к «рыночной конъюнктуре». Он хитер и знает, чем потрафить Главлиту, как уцелеть от злобного читателя или зрителя, какие трудности нужно не преодолеть, но обойти. Он пишет в юмористике или сатире, не имея о них никакого представления. Бульварную литературу о «половых проблемах» он иллюстрирует рассуждениями о политике партии. Острую тему, свежую мысль, живой образ он беспомощно пачкает из своего обихода. Он очень «благонамерен». Не страшащим его произведений разучивают благородные большевики, потомки благородных графов из великосветских романов, и мрачные злодеи, увлекшие со времен бульварных детективов. «Вперед, вперед, вперед! Мы победим, мы победим, мы победим!»—нередко заканчивает он последнюю главу романа или последний акт пьесы.

Халтура ныне обычно появляется в одной из своих разновидностей—в разновидности **«красной халтуры»**, имеющей слои ответвления и в литературе художественной, и в кино, и в радио, и в театре. «Красная халтура»—**худший и наиболее опасный вид халтуры.** Она вредна не только потому, что она **дискредитирует** задачи революционного искусства, опошляет великие идеи социализма, мешает борьбе за большое искусство большевизма, разращает сознание сотен тысяч рабочих и крестьян, укрепляет обывательские, мещанские представления о революции, препятствует воспитанию художественного вкуса пролетариата и крестьянства.



«Красная халтура» всегда об'ективно является распространенной формой **классово-враждебных пролетариату влияний в искусстве.** Нередко же она является формой прикрытия **активной** деятельности буржуазной агентуры в литературе. Она опасна потому, что она **окрашивается в защитный цвет,** крутится ближе.

Не все из авторов, о книгах которых мы пишем сегодня на этой странице, являются халтурщиками. Но тот факт, что иными не-халтурщиками написаны халтурные книги, заставляет нас дополнительно насторожиться. Халтура не только существует, она имеет своих **«теоретиков».** «Не халтурить—не прозевать». «Либо халтура, либо отставание от жизни». «Лучше быстро халтурить, чем медленно писать серьезные произведения». Так рассуждает теоретизирующий халтурщик. Так рассуждает поощряющий халтуру издатель. Мимо внимания и писателей, и читателей прошло выступление А. Белого (конечно, отнюдь не халтурного писателя) в сборнике «Как мы пишем» в защиту **«допустимой халтуры».**

Перестройка литературы означает удар по халтуре. Халтура должна быть, и будет сметена кампанией по ее разоблачению, укреплением фронта революционного искусства, преодолением отставания литературы, оздоровлением литературной среды, призывом рабочих-ударников.

Говорят, у нас мало бумаги для издания художественной литературы. Бумаги действительно недостаточно. Многих нужных книг нет. Ряд ценнейших произведений выходит в мало недостаточных, «обезличенных» тиражах. Но **сегодня одно из главных зол в практике** издательств художественной литературы—это **нерациональное использование наличной бумаги.** Мало бумаги? Но почему же **издается** вреднейшая халтура? Почему издательства в ряде случаев **поощряют** халтуру? Почему они **портят** авторов?

За последнее время ГИХЛ сообщает в выпускаемых книгах фамилию редактора. Это необходимо ввести в практику всех издательств. **За каждую выпущенную книгу редактор отвечает в той же мере, что и автор, если не в большей.**

Долой халтуру! Долой снисходительно-примиренческое отношение к ней!

драматических дел мастера

героическая халтура

М. ПОДГАЕЦКИЙ, В. ШУХМАН — «Тревожные гудки». Пьесс. ГИХЛ. 1931. Стр. 63. Ц. 30 коп. Тираж 9.000.

Л. ЦИНОВСКИЙ — «200.000 вольт». Героическое представление в трех актах с прологом и апофеозом. ГИХЛ. 1931. Стр. 64. Ц. 30 коп. Тираж 9.000.

Существует старинный апробированный метод, имя которому халтура. При помощи этого метода любая мысль, любой лозунг, любая проблема сегодняшнего дня сводится к схеме, в которой иногда варьируются слагаемые, но сумма остается неизменной.

Автор ее скачет в этакой кадрили. Вот вам ударник—он всегда герой, вот инженер—ну, конечно, расхлябанный интеллигент, а вот и кулак, который вредит непрестанно.

На фоне отдельных переживаний этого «треугольника» маячит завод, «взрыватель» турбины, нарастает борьба, и называется это произведение «актуальной» пьесой.

В «Тревожных гудках» не успел ребенок выдать тайну отца-вредителя, как отец не только покаялся, но и почти проникся революционным энтузиазмом. Какой завод показан в пьесе, неизвестно, но это, несомненно, какой-то сказочный завод.

Зато, техсерсовал и ударники так много трудятся, что совершенно непонятно, когда же они работают. Почти вся роль Фирсовой—коммунистки-инженера, заключается в бесперывных декларациях, в которых—ни одного живого слова. Борьба развивается, конечно, самым простым образом: гайку находят и тут-то сразу все «перестраиваются».

В героическом представлении Л. Циновского—«200.000 вольт»—на глазах у зрителя перерождается «злобный инженер». Масса, непосредственно создающая социалистические формы труда, словно канула в вечность. Вся же идея ударничества, оказывается, сводится к «шкурному вопросу».

Вот как автор «Тревожных гудков» пропагандирует эту идею. «Твоя рубашка тебе же дешевле обойдется, когда выполнишь ударную пятилетку».

Особого внимания заслуживает именно эта халтурное, хотя и «героическое представление» Циновского. В нем прежде всего бросается в глаза невыносимая «рубленая проза», какой говорят, например, герои: «Ухают, ухают выстрелы, хохочут чугунные звери».

Или: «Идем, пробиваемся, строим. Выполним, построим, пробьемся».

Это, оказывается, голос масс, в который время от времени прорывается вождь предателя: «Россия утонет во мгле, комар ужалит слона. И слон заболеет малярией. Комар... Тоска» (безучастно смеется потом в исступлении).

Зато вот монолог «честного» инженера: «Рабочий класс... командиром... (задумался, смотрит на портрет Ленина). А знаете, что, Владимир Ильич, вступаю в вашу партию? (Садится за стол, пишет). «В ячейку ВКП(б)».

Так разговаривают и действуют по-Циновскому люди на строительстве мощной гидростанции, на подступах к социализму!..

Невозможно не коснуться ремарок этой клубной пьесы (невольно вспоминается классический анекдот о такой ремарке: «После чего герой укладывает чемодан и на 10 лет уезжает в Америку»).

Вот, например: «Загорается красный луч... освещая его лицо со сжато плотным ртом, с прыгающими желваками мышц на щеках» (нелегкая задача для актера натренироваться до желваков на щеках). «Музыка—трудовая динамика». «На его лице мучительные гримасы». «Обрывает кожанку—остается в декольте». И, наконец, «музыка—марш, бешеный, маниячный темп».

В продолжение всей этой «бешеной» пьесы рабочие беспрерывно твердят: «Строим, достроим, построим, устроим», а годы-предатели вливаются освещенные «зелеными лучами, словно в предвкушении алчных мук».

И эта невыносимая халтура называется «героикой», и она-то должна мобилизовать внимание к массе на новостройках!

СИ.

макулатура для сцены

М. ТРИГЕР, «Инженеры». ГИХЛ. 1931. Цена 35 коп. Стр. 63. Тираж 12.000.

К. КОВАЛЕВСКИЙ, «Крутые дежи». ГИХЛ. 1931. Стр. 75. Цена 40 коп. Тираж 5.000.

Перед нами две пьесы — «Инженеры» Тригера и «Крутые дежи» Ковалевского. Первая предназначена для города, вторая — для колхозной деревни. Но авторы этих пьес ни в чем не уступают друг другу. Их «смычка» идет по линии приспособленчества и халтуры.

М. Тригер проводит резкую грань между старыми и новыми инженерами. Инженер Лопатин, которого изобличили в газете, как виновника прорыва, из самолюбия не желает работать больше на предприятии. «Посмотрим, как они обойдутся без меня» — такова формула Лопатина. Но если Лопатин чужд карьеризма, рвачества, открытого и сознательного вредительства, то его коллега Болтянский — тип закоренелого рвача. Болтянский гонится за длинным рублем, за высокими окладами, за комфортабельным жильем. Охарактеризовав старое инженерство фигурами Лопатина и Болтянского, Тригер совершил политически грубую ошибку, изобразив видеть в старых инженерах отцов «пороков», а в новых одни «добродетели». Пьеса Тригера является образчиком «спецедства», против которого недавно выступал тов. Сталин. Она неправильно ориентирует читателя (и зрителя) в вопросе о старых кадрах.

Но еще хуже в пьесе — с новыми кадрами, представленными инженерами Бойтовским, Пастуховым и Абдыгаем. Трудно себе представить большее опошление молодого советского инженерства. Перед нами не строители социализма, а стиляженные доволаски, весьма подозрительного типа, «молодые люди».

Молодые «кадры» пробуют иногда говорить о строительстве, «масштабах», «темпах», но от этих разговоров сильно отдает фальшью.

В конце пьесы описано примирение Лопатина с дирекцией завода. Примирение это совершенно не оправдано и нисколько не мотивировано. Тригер плохо знает инженерскую среду, и похоже, что он никогда в ней не был.

Говорить всерьез о художественных особенностях пьесы Тригера не приходится. В пьесе нет ни одного живого лица, ни одного яркого портрета. Перед нами — лишенные внутренней драматизма и подлинной драматики сцены, которым соответствует скучный и однообразный диалог.

«Крутые дежи» — Ковалевского характеризуется той же карикатурностью и драматургической беспомощностью. Трудно понять, почему Ковалевский назвал свою пьесу — комедией. Ничего в ней нет комедийного, если не считать того, что девки много и трезмерно хохочут по всякому поводу. Сажет, например, Аська: «Всегда готова» и все, как по команде, смеются. Любое замечание вызывает смех, хохот. Этим Ковалевский думает смешить читателя (и зрителя), но, увы, от этого смеха становится совсем не смешно.

Однако, финал не заставляет сомневаться в том, что перед нами «доподлинная» советская комедия. Развязка, как и полагается в комедии, получилась жизнерадостная и бодрая.

— **Сенька:** Любушенька!.. Разоблачили гнилищев...

— **Любаша:** Сенюшка!.. Народ влез... На диваму согласны! Живет колхоз!

— **Сенька:** Ах, ты, пшеничка моя!

— **Любаша:** Готовься, Сенюшка! Заманкиной в город вместе поедем.

— **Сенька:** За диванкой? Ура! (Обнял Любашу). Любонька моя! Хорошая моя! Теперь уж не пущу!

— **Любаша:** Ну и что ж, Сенюшка! На радости—радость».

Этот финал звучит не иначе, как злая пародия на мышленаию нашей деревни. Да и вся комедия представляется поплой карикатурой на колхоз и классовую борьбу. Классовый враг получился какой-то игрушечной и миниатюрный. Классовая борьба происходит где-то за сценой. А на сцене мы видим собрание марионеток, хохотушек, в которое случайно затесался бесхарактерный комсомолец Сенька.

При этом Ковалевский претендует на большевистскую ортодоксальность. Устами председательницы колхоза Шишкиной он заявляет: «Не волнуйте меня. Не раз'яряй. Кусаться начну. Что XVI партийный с'езд постановил? Знаешь? На, еще почитай. Заучи и выполняй (стукнула кулаком по столу). Отступления нет!».

Такого рода «проработка» постановлений XVI партс'езда есть наихудшее опошление этих постановлений.

Шишкиной не уступают и другие персонажи. Они все скарикатурены. Попробуйте отличить Фросю от Любаши, Группу от Варк. Все они на редкость бесцветные и обезличенные фигуры. Если к этому присоединить такие перлы речи, как «шлала кислая», «чертяка», «сморяться я на тебя хотела», то «художественные достоинства» пьесы Ковалевского станут выпукло очевидны.

Трудно исчерпать всю ту бездну пошлости, которая заложена в пьесах, подобных рецензируемым. Перед нами яркие образцы «красной» халтуры, содержащие в большом количестве злободневную отрану.

И эта вредная макулатура является десятками тысяч в ГИХЛ, сектором искусств.

МИХ. БЕЙНЕР

легкость рук—и готова утопия!

м. козырев и и. кремлев (свэн) в пивной „социализма“

М. Козырев и И. Кремлев (Свэн)—Город энтузиастов. Роман. — М. Изд. «Московское т-во писателей». 1931. 176 стр. 1 р. 60 к., тираж 5.000 экз.

Авторы романа пытаются дать социальную утопию, рисующую переворот, внесенный в жизнь Советской страны ее («пифицацией») переходом на трехсменную работу и на непрерывную день. Однако эта «утопия» не только не возвышается до уровня социальной утопии, но является вульгаризацией этого жанра, переходящей в халтуру. Все сюжетное развитие построено на полной интриге (обязательная женщина-агент заграницы очаровывает изобретателя, который не замечает происходящего под ее руководством предательства).

Рисуя весьма бледно и невнятно некоторые достижения советской техники в период завершения двух пятилеток, авторы оказались совершенно беспомощными в изображении социально-культурных сдвигов этого периода (якобы завершенного уже строительства социализма). Отдельные отрицательные явления нашей действительности оказались целиком свойственными будущему. При этом указанные в романе формы их проявления, даже с точки зрения современного этапа соц. строительства, могут быть воспринятыми лишь как злостная на современную действительность.

Профессоры борются с всех, не получая новых изобретений. Рабочие изображены дураками, говорят: Я небось, не оратор какой, и по-научному»... После завершения двух пятилеток у типографии нет бумаги, в столовых нет чая («вместо сушений, а не чай»). На эстраде в пивной эстрадный артист обращается к публике: «Уважаемые товарищи и дамы, пролетарии, «специ» и халтурщики...» У кассы в столовой — тянется длинная очередь. Положительные типы — Сибирцев и Кизяков получают такую аттестацию: «Эти скучные флегматики революции»... «со своим хладнокровным коснязычием»... Характерно отношение авторов к советской печати. Вся она зависит от одного злопотреда Бугаевского, бывшего эмигранта, который печатает во всех журналах и газетах то хвалебные, то ругательные статьи о «пифицации». Авторы откровенно называют органы печати—«этим крикливым выводком», причисляя сюда и «Прожектор» и «Огонек» и «Красную ниву» и т. д.

Это бульварная, «красно»-халтурная утопия, исказающая в основном процесс, смысл и результаты социалистического строительства, должна быть признана сугубо вредной.

Е.

как можно выехать на дохлой кобыле

НИК ОДОЕВ — «Полный ход». Рассказы. Моск. т-во писателей. М. 1931. Стр. 240. Тираж 5.000. Ц. 1 р. 40 к.

«Руководящий голос товарища Сватикова дяди Ивана слушал с достойным уважением, так как товарищ Сватиков всегда был прав, он даже советскую власть предсказал мужикам за два года до революции».

Откуда это? Сначала можно подумать, что это из несколько лет назад опубликованных «Записей Кожякина» (И. Леонова), в которых герой, графоман глубокого заходустья, комически живописует хронику своих мест.

Но Кожякин оказался не выдуманным литературным персонажем. Он здравствует, и даже под псевдонимом Ник. Одоева выпустил в издательстве «МТП» книжку рассказов «Полный ход». Наша цитата—из этой книжки, посвященной современности.

Автор пишет о колхозах, хотя первый рассказ «Диадема» словно бы повествует о замерской кобыле уже обреченной на живодерню в командоде, но удачно использованной для племени неким Колей Яшкой. Но это только повод для того, чтобы рассказать, как «в общем жизнь в колхозе потекла в плановом варианте». За коллективизированное дерение знаменитой кобылы колхозники выручили 10.000 рублей, приобрели тракторы, и все пошло «на полный ход».

В рассказе «Полный ход», «активно руководящий товарищ Скориков», «красный профессор с научным лицом» и рабочий-двадцатипятитысячник Тумаков, на которого крепкий середняк Касьян Иваныч смотрит, «как на баловного парня, вроде бартыка, которому все дозволено по рождению, но которого можно мудро не замечать», выбиваются из сил, чтобы создать «сплошной колхоз». Выручает их Касьян Иваныч, знаменитый пионером колхоза, за которым потянулись остальные. Касьян Иваныч доволен колхозом, где он избран председателем.

«Путешествуя по колхозной системе и соприкасающимся с ней учреждениям, Касьян Иваныч ощущал почти ту же легкую радость отдыха, которую раньше ощущал на базарах» (?). Немудрено после этого, что бедняки—сплошь лодыри или идиоты, вроде батрака Пропащи, мечтающего только об еде. Правда, иные бедняки стремятся оправдать свое лодырничество. «Грыша Слюнявый на Семеновки всю жизнь побирался, потому что обещал мужикам изобрести непромокаемые галанки».

Кулаки? Жалкие жертвы, которые только молят о пощаде.

Партийцы? Скориков — «коммунист правильный», «но по какой-то случайности не занимавший никакой государственной и кооперативной должности». Скориков—«солнце революции», красный профессор Чинцев «с перегрузкой мозгов», «бармук» Тумаков—все они образцы скудоумия, тупого следования буквы закона.

Казалось бы при таких людях что может получиться хорошего? Но выручает не кобыла, то внезапно прозревший Касьян Иваныч.

Ник. Одоев приделывает благополучные «концы», но вся книжка изображает строительство колхозов, как бессмысленное «загоняние в коллективную жизнь», причем изображает явно халтурно. Графомания помножена на кулацкую классу.

Чем же обольстил «наш автор» издательство? Аллюлуйным стилем или натыми издательством над колхозной стройкой?

Где «руководящий голос» в издательстве «МТП»?

Н.

как провидец *ян ларри* ликвидировал маркса и ленина

ЯН ЛАРРИ — «Страна счастливых» (публицистическая повесть). С предисловием Глебова-Путиловского. Ленинградское областное издательство. Ленинград. 1931. Стр. XVI. 192. Ц. 1 р. 20 коп. Тираж 50.000.

Хороший, утопический роман нам до крайности нужен. Такой роман сыграет огромную агитационную роль. Он невольно будет заражать, в особенности молодых читателей, пафосом социалистического строительства. Этого нельзя, однако, сказать о «Стране счастливых».

Автор этой «публицистической повести» прямо переносит нас в коммунистическое общество. Молодой изобретатель Пэвел Стельмах весь поглощен мыслью об осуществлении межпланетного сообщения. Стельмах и его многочисленные друзья из «Звездного клуба» мечтают о колонизации планет. После многих приключений один за другим летят к луне новые «звездоплаватели». С тревогой следят за их полетом республика. Наконец, они возвращаются на землю. Мировые пространства побеждены.

Вот нестенный и неновый по замыслу остов «публицистической повести». В первую очередь он оброс техническими подробностями.

Общественная жизнь намечена в романе сравнительно бледными, но «необязывающими» чертами.

Беспощадно расправлялись с прошлым, автор совершенно безумеет в своем халтурном рвении:

«Я считаю необходимым устроить в библиотеках кровавую (!) революцию»... — восклицает один из его героев. — Придется резать и Аристотеля, Гегеля, Павлова, Менделеева, Хвольсона и Тимирязева. Увы,—без кровопролития не обойтись. Моя кровожадность не остановится даже перед Лениным, Марксом, Сталиным! Придется пострадать в ему! Всех, всех» (стр. 29).

Расправившись с вождями Октябрьской революции, классиками философии и науки, автор ведет читателя в музей и показывает ему «зал литераторов», где, «бесцуя с веками», стоит в числе других бронзовый... Виктор Шкловский (!).

Перспективы развития социалистического общества чудовищно искажены. Республика оказывается изолированной от внешнего мира. Действие романа развертывается исключительно на территории СССР. О судьбах ныне существующего капиталистического мира ничего неизвестно. И это в то время, как существует определенное ленинское указание: «Пока наша советская республика остается одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом». Ларри знаком вовсе о национальном вопросе. Но самое интересное, что в исторических воспоминаниях, которым предаются время от времени действующие лица романа, совершенно отсутствуют указания на ведущую роль ВКП(б) в строительстве социализма. Герой романа убежденно говорит о том, что люди на земле—одичавшие потомки людей, залетевших с другой планеты, которая может быть называлась «Рай», что директора станции межпланетных сообщений возможно звали Сталфом. Подобная «теория» происхождения религии способна палолно испортить кровь любому пропагандисту-антирелигиознику.

Автор предисловия т. Глебов-Путиловский, скверно охарактеризовав крупнейшие произведения утопической литературы и не сумев ничего сказать о классовой борьбе нашей эпохи, нашел теплые слова для рекомендации книги «каждому гражданину СССР».

Совершенно напрасная рекомендация. Книга Ларри не только бесполезная, но и вредная.

Б.

П. КОФАНОВ и его вурдалак

П. КОФАНОВ — «СТАНИЦЫ В ОГНЕ». «Федерация». Серия соц. строительства. Стр. 140. Тираж 5.000. Ц. 90 к.

Тема книги — колхозное строительство на Кубани и борьба с сектантством и сопротивляющимся кулачеством. Для показа классовой борьбы автор выбрал несколько случайных персонажей, совершенно оставив в тени широкую крестьянскую массу. Но не в этом основной порок книги.

Не довольствуясь, должно быть, социально-насыщенным материалом современной действительности, автор решил «освежить» колхозную тематику введением усложнено воскресенных им, ситуаций типичного любовного романа. Для иллюстрации кулацких зверств автору понадобился полупомешанный пастух Ягорка, с явным наслаждением высасывающий кровь волчью и человечью (?!) Отвратительные сцены с его участием описаны в книге со смакованием (стр. 31, 37, 38, 123).

Этот пастух, грызущий горло людям и зверям, олицетворяет должно быть древнюю косную деревню, вцепившуюся зубами в горло будущего. Так современным вурдалак становится мстителем за попранные основы старой крестьянской жизни. Но сопротивление кулаков колхозному строительству сильнее вымыслов убогой авторской фантазии, способной лишь воскрешать худшие традиции любовного романа, сказавшиеся и в трактовке главного героя, партийца-учителя Поспелова.

Литература этого рода всегда находила восторженно благоговейные выражения для своих положительных героев. Вот почему, характеризуя Поспелова, автор покидает обычное прозаическое повествование, переходя к восторженно-лирической, почти библейской речи. «Жила в глубине его души, неясная ему самому, сила страстная, неумолкаемая. Он возбуждает ненависть кулаков речами беспощадными, глазами зоркими, поступками решительными» и т. д. Наряду с этим Поспелов обладает истинно «человеческими» чертами. «Никто не знал, что он живет аскетом, любит Пушкина и часто по вечерам в своей комнатушке тихо декламирует... «луна спокойно с высоты над белой церковью сияет».

Бегло набросав этакий «диалектический» контур своего героя, автор переходит во второй части романа, громко названной «Поэма о варовом учителе», где аскет по натуре Поспелов приглянулся кулацкой дочери Даше. Встретив Поспелова «молодого, чернобородого», она, послушав на сходе речи хмельные обратные, как евангельские стихи вечные, затрепетала вся». Дальше Даша начинает боготворить «голубя своего»: «выпуск ведь душу, вместо нее положил горячие угли».

Однако классовая борьба берет «свое». Ягорка, подстрекаемый кулаками, перегрызает Поспелову горло. Даша мчится на помощь своему суженому. Поспелов, подбадриваемый авторской сентенцией, что «классовому человеку нельзя умирать просто», «не перелая завета о мщении», действительно не умирает, несмотря на эксперименты Ягорки с его горлом. Даша героически спасает его и приводит прямо на колхозный совет, где Поспелов, встретив всех своим появлением, пытается произнести речь! «Романтичность» положения достигла своего апогея.

Как пример безграмотности в характеристике действующих лиц достаточно привести передачу автором переживаний председателя колхоза Тополя. Его «радостная тревога» принимала такие размеры, что «он забыл, как его звать» (?!). «Незаметно для себя начал думать о подготовке к севу». Этот «идеальный» герой — Тополь грустит лишь о том, что «чувства и мысли людей не обобществлены». «Волна колхозов занимала матерые хозяйства» (стр. 67)... а «воля, плещущая волнами, и разум, обрастающий вокруг ленинских заветов, отсвечивали на женских и мужских лицах». Однако, беднята охарактеризована автором кратко и «убедительно»: «беднота матерится». Для изображения же «горя» кулачки, у которой ко'ли хлебные изюшки, у автора находятся совсем другие «жалостливые» фразы, вроде «человек страдал искренне», «в словах и в тоске предельной она направилась на соседний хутор».

А. КОТЛЯР

классовая борьба в деревне по А. Кофанову

на скале под развесистой клюквой

Н. КУЗНЕЦОВ. — «Белая маранка». Изд. «Красная газета». Ленинград. 1930. Стр. 175. Тираж 50.000. Ц. 60 коп.

Темой своего произведения автор берет интервенцию советского Севера: Архангельска и Мурмана. На фоне этих событий Н. Кузнецов и ткет несложную паутину своего произведения, безбожно путая нити и сам запутываясь в них.

Вот на стр. 13 автор описывает остров Мудьюг: «У черно-белых обомшелых скал бьется море... разобьется, отхлынет волна, а новая уже катится ей на смену, лезет на кряжуп, кладет гранит, пенится и кипит, в лабиринте скал»...

С чудодейственной легкостью автор возводит «лабиринты скал» на песчаном острове, залитом водой и пивом. Автор не только не видел острова в глаза, но, очевидно, и не читал о нем ни одной строчки. Мы принципиально не против скал на острове. Пожалуйста, если они нужны автору. Но зачем же тогда называть остров Мудьюгским?

У автора одновременно существует два заброшенных тюрьмы на Мудьюге и на Исакиеве. И опять безбожно напутывает. Исакиевская тюрьма была «учреждена» белыми взамен Мудьюгской после побега заключенных на последней.

На стр. 21 — 43 описывается восстание и побег заключенных из Мудьюгской тюрьмы. Эти события не вымышлены автором, но побег организовали не вымыслы с броненосца «Чесма», представляющие собой не характерные автора что-то в роде анархствующих личностей, а большевики. И еще: восстание было не ночью, как пишет Кузнецов, а днем.

Верно, что восстание полностью не удалось и убежало только 62 человека (а не 52, как пишет автор), но не верно, что 12 человек были пойманы, а 40 «убиты во время преследования», как не верно и то, что бежавшие были пойманы на «Онеге» реке (Стр. 43 — 44).

На стр. 52 автор пишет, что в Исакиевской тюрьме «люди сидели в маленьких мешках, а днем ходили в теплом верхнем платье». Тут автор проявляет излишнюю доброту, снабдив каторжан, как полярную экспедицию. А вот горы трупов, сложенные в сараях, автор «не заметил», ибо он возводит восстание в степень авантюрного происшествия, а не героического акта классовой борьбы.

Два слова о языке. Небрежность, сюсюканье в передаче местного говора, штампы, длинноты, — всем этим изобилует книжка. И если не причислять книжку Н. Кузнецова к лику явной халтуры, то нельзя умолчать о том, что эта книжка все же очень близко, почти непосредственно, примыкает к этого рода литературе.

Б. СТРАХОВ, П. СТРЕЙКОВ

на фронте национальных литератур

ИТОГИ творческого года в чувашской литературе

Происходивший недавно пленум Чувашской ассоциации пролетарских писателей подвел итоги творческого года со времени IV с'езда ЧАПП (август 1930 г.). Этот творческий год выделяется тем, что, с одной стороны, в писательские ряды влились новые силы в связи с приходом ударников в литературу (хотя нужно отметить, что приход ударников ЧАПП начался со значительным запозданием), и, с другой стороны, увеличилось количество напечатанных произведений, среди которых видное место занимает очерк.

Основная тема произведений—промышленное и колхозное строительство Чувашии. Здесь необходимо отметить резкий перелом в работе писателей-очеркистов, которые на основании решений IV с'езда ЧАПП начали значение очеркового жанра на еще более высокую ступень. Были моменты, когда перевязанные в чувашской литературе—даже «чистого искусства»—умаляли значение очерка, не считали его художественным произведением. Истекший творческий год, как подтвердил расширенный пленум, целиком показал всю ошибочность установки перевершинцев чувашской литературы, которые в ряде других вопросов пытались целиком копировать учение Переверзева.

Переверзианцы, между прочим, выступали с «доказательством», что «у них не может быть литературы пролетарской по идеологии; она остается крестьянской (Федоров). На одном из пленумов ЧАПП (в январе 1929 года) приверженец этой же «теории» выразился еще хлестче: «у нас, в Чувашии, нет пролетариата, поэтому и чувашской пролетарской литературы нет и не может быть» (Уханлей).

Чувашская организация пролетарских писателей вела беспощадную борьбу как против реакционного меньшевистского учения Переверзева, против копирования его в чувашской литературе, так и против индивидуализма, против кулацкой, националистической идеологии, против остатков лефферовщины, против тех, которые пытались пользоваться больше старыми формами, особенно в поэзии (Вампер, Шупусынин). Шупусынин в своей книге «Краткий очерк истории чувашской литературы» настоятельно просит молодых писателей взяться за старые формы и остерегаться всяких новшеств в литературе.

Все эти реакционные учения не могли задержать рост чувашской пролетарской литературы. Творческий год дал ряд новых произведений: роман В. И. Краснова (Асли) «На пельсе», Танькова «Корни», Мэтри Вэлсея «Бряш», Агакова «Герои стройки» и ряд других произведений, которые показывают рост чувашской пролетарской литературы, укрепляющей свои позиции в руководстве всей чувашской литературой.

Наряду с этими достижениями расширенный пленум ЧАПП, в работе которого впервые участвовали представители ударников—рабочих и колхозников, призванных в литературу, представители чувсекций МАПП, ТАПП, русской секции ЧАПП, представители Чувашского отделения Средневолжского общества пролетарско-колхозных писателей—отметил необходимость усиления работы по приходу ударников в литературу, по качественному улучшению работы имеющихся литкружков на Автозаводе, в Сормове, в Вурнарских фосфоритных рудниках, в Шумерлинском комбинате и в ряде колхозов.

Было также указано на необходимость командирования писателей на производство на более продолжительные сроки, ибо краткосрочность пребывания на предприятиях отрицательно отразилось на качестве производственных очерков, да много снизило их боевую большевистскую действенность.

К числу очерков, пострадавших именно от вынужденного верхоглядства, относятся очерки: «Автострой»—Уйон Мишши, «Детальстрой»—Алагере, «На кирпичном»—Памажкина и Пилтемира, «Смелые фундаменты»—Мэтри Вэлсея, «Фосфориты»—С. Шэлчок и др.

Быстрый рост культурного уровня читательской массы ставит писателей в такие условия работы, когда читатель жизненным образом реагирует на то или иное произведение и указывает на конкретные достижения и недостатки писателя. Поэтому пленум особо отметил необходимость создания и укрепления кадров критиков из рабочих и колхозников, усиления работы ЧАПП по приходу ударников в литературу.

Укрепление пролетарского единства, идейной организации, усиление борьбы за генеральную линию партии, против националистической кулацкой идеологии на фронте литературы, борьба с остатками лефферовщины, борьба за создание большого искусства большевизма—вот те задачи, которые стоят перед Чувашской ассоциацией пролетарских писателей.

Несомненно, в этой борьбе ЧАПП использует все опыты борьбы РАПП с враждебными нам течениями в литературе.

— Детский период чувашской литературы остался позади.—У нас теперь есть все условия для создания больших произведений пролетарских по содержанию,—так сказал секретарь ЧАПП тов. Золотов в своей заключительной речи.

Среди других отделов национальной литературы СССР ЧАПП будет бороться в передовых шеренгах. **П. ТАНКИН**

Бригада ФОСП на заводе им. Ильича работает плохо

в этом повинны писательская общественность и заводские организации

10 июля в «Литературной газете» были напечатаны материалы, характеризующие совершенно нетерпимое положение с шефством завода им. Ильича над ФОСП. После этого ФОСП послало на завод писательскую бригаду, которой было дано задание решительно в кратчайший срок сдвинуть дело с мертвой точки.

Указание на то, что писатели—члены бригады ФОСП бегут от ворот завода, может быть несколько преувеличено, но бесспорно одно: бригада наша сделала пока что мало, работает плохо.

Здесь продолжают действовать основные причины, обусловившие неудачу шефской работы: в писательской среде до сих пор не осознали значения шефства как одного из важнейших средств перестройки литорганизаций. У нас все еще не понимают того, что завод им. Ильича, принимая шефство над литорганизациями, явился в сущности зачинателем совершенно нового, притом важнейшего, культурно-политического дела.

«Именно поэтому,—писал я в «Литературной газете»,—завод им. Ильича должен был стать базой опытной работы литературных организаций в ФОСП в целом; именно здесь надо было показать пример того, что может и должен делать писатель на предприятии». Это особенно важно и необходимо именно сейчас, когда мы имеем на заводе прорыв в промфинплане.

Таким образом, первая и основная причина слабой работы писателей на заводе—это непонимание, оппортунистическая недооценка огромного значения шефства. Этим объясняется то, что писатели не могут найти своего места в системе общественной культурно-просветительной работы завода, не знают своего места в борьбе завода за промфинплан.

«Выделять», как принято выражаться, писателей на завод в порядке мобилизации, очевидно, не годится. Нужно постепенно создать такой кадр писателей, которые будут не гостями, а органическими работниками на заводе.

Вторая причина слабой шефской работы, на которую мне уже приходилось указывать, это то, что идея шефства над ФОСП до сих пор не стала популярной среди всей массы рабочих завода. Этим делом занимается литкружок, а партийная организация и все общественные организации завода думают о шефстве, но совсем говоря, очень мало, вернее—вовсе не думают. Осмелюсь утверждать, что многие рабочие завода, даже активисты, об этом деле вообще ничего не знают. Между тем, у нас ведь обязательства взаимные, товарищи ильичевцы!

Если ФОСП послала на завод бригаду, которая плохо работает, то завод со своей стороны никого в ФОСП не посылал и вообще ничего абсолютно не делает для выполнения своих обязательств по шефству. Влияние завода им. Ильича в организациях ФОСП никак не чувствуется.

14 августа на заводе состоится заседание Исполбюро ФОСП совместно с писательским активом, литкружком завода и заводским активом. Это первое мероприятие, которое должно, наконец, двинуть вперед дело шефства.

18 августа литорганизации доложат о том, что сделано, что делается писателями для художественного показа героев труда.

Показ людей большевистских темпов—героев нашего великого времени—это серьезнейший экзамен для всей советской и, в первую голову, для пролетарской литературы. На этой работе наша литература должна показать, в какой мере она выполняет задачи работого класса, завершающего фундамент социализма в стране Советов. По этой работе мы будем судить о степени продвижения нашей литературы по пути к большому искусству большевизма.

В этой работе мы должны отчитаться перед широкими массами рабочих.

Г. КОРЕНЕВ

письмо из ленинграда

от нашего корреспондента

перед «вторым кругом» творческой дискуссии.—закончилась самопроверка союза писателей.—борисоглебский исключен из ВССП

Сегодня в Ленинграде еще звучат эхом творческие споры «первого круга» дискуссии. Но ораторы уже «прибуют голоса» для следующего круга, официально посвященного поэзии. Докладчики—**В. Саянов** и тов. **Малахов** из ЛНЯ ЛОКА.

Надо надеяться, что и на этот раз принципиальный уровень творческих споров будет поднят на должную высоту. К этому обязывает особое внимание, которое встретила ленинградская дискуссия не только в широких литературных кругах, но и среди работников смежных участков идеологического фронта.

Творческая дискуссия обозначает новый этап в перестройке ленинградского попутничества,— этап активной перестройки. Этой активности несомненно будет способствовать и самопроверка, законченная Советом ВССП. Творческий балласт, потерявший связь с литературным производством, случайные люди—свыше 70 человек—исключены из ленинградской организации союза писателей. К их числу—писатель **Борисоглебский**, который, как известно, занимал в последнее время место на правом фланге нашей литературы.

Чрезвычайно любопытные вещи о Борисоглебском недавно сообщила «Комсомольская правда» почитавшая «Письма из Керчи» **Л. Овалова**. В одном из этих писем раскрываются подробности «творческого метода» Борисоглебского, который значительную часть своей книги «Америка в Керчи»... списал у литприслужника ударника керченского завода тов. **Эстеркина**. Борисоглебский переписывал дословно страницы, но не забывал извращать политический смысл и установку очерков рабочего-ударника.

Борисоглебский включен из ВССП еще до призыва «Комсомольской правды» прочать с литературной работы «писателей», обкрадывающих талантливый рабочий молодняк. Он исключен за попытку дискредитировать ленинградскую организацию ВССП в глазах рабочих. Направленный для шефской работы на завод «Красный треугольник», Борисоглебский повел провокационные разговоры о «правизне» руководства (и актива) ЛО ВССП, непримиримость стремлений которых к перестройке неоднократно подчеркивалась нашей общественностью. Борисоглебский пытался ввести в заблуждение рабочих завода и в том, что его,—«работого писателя, эти правые изгнали из ВССП, правда» (!!)

Борисоглебскому было предложено дать развернутую критику своего поведения, но он отказался это сделать.

Исключение Борисоглебского будет оформлено специальным постановлением.

Б. РЕСТ

ПИНОК ИЛИ ПОМОЩЬ?

о работе со сценаристами

Сценарный голод, испытываемый кинопромышленностью, ставит серьезнейшую задачу — задачу **мобилизации всех сил пролетарской литературы, всех начинающих писателей, драматургов, сценаристов рабочего класса и близких нам попутчиков — на преодоление прорыва в деле подготовки сценариев для наших фильм.**

Сценарий — это основа для всякой фильмы, кроме узко специальных. Сценарист — один из основных авторов фильмы.

Вот почему теперь, когда вопросы подъема художественно-идеологического качества наших фильм приобрели особую остроту, когда сегодня качество наших фильм, за весьма редким исключением, ниже всякой критики, **вопрос о сценарии и сценаристах вырастает в проблему огромной важности.**

Можно ли поэтому подходить к разрешению этой проблемы лишь в мерной... «отсечении» всякого, кто, пробуя силы на новом для него поприще, допуская даже отдельные политические ошибки, все же искренне стремится отдать свои силы на служение советскому кино.

Можно ли, скажем, получив на предварительный отзыв сценарий на наименьшинскую тему, вместо того, чтобы помочь все еще весьма недостаточным творческим наименьшинским кадрам, вместо того, чтобы **изучить** автора сценария — брать его в штыки и с остервенением, понятным лишь в отношении к классовому врагу, выступать против него в печати, как против «контрреволюционера»? Мы полагаем, что нельзя.

А между тем в последнем полугодии мы имели именно такой случай, когда один из руководящих работников краевой организации, получив на отзыв сценарий калмыцкого товарища, вместо того чтобы вызвать автора, разобрать с ним сценарий и в духе товарищеской помощи, отнюдь не сглаживая остроты принципиальной критики, указать — как отмеченного выше «упрощенческого» подхода к сценаристу, мы бы хотели на этой базе к ликвидации кулачества как класса, к сплошной грамотности на основе латинизации и к созданию мощной партийной и комсомольской организации, не подчеркивая, **как** она к этому пришла, настолько (и в чем именно) был **отличен** ее путь от путей коллективизации и всеобщей грамотности других районов Нижне-Волжского края, — тот объективно сам впадает в грехи, которые он частично правильно, а отчасти преувеличенно приписал сценаристу.

Отсюда и вторая ошибка автора: он не понял, что пафос великой стройки в Калмыцкой области — не меньший, чем в Магнитогорске.

Третья ошибка автора сценария состоит в том, что он схему подчинил смысловое значение сценария (содержание). Сопоставление старой родовой (дореволюционной) Калмыкии он дает таким образом, что подавляющее большинство частей сценария относится именно к родовой Калмыкии. Лишь отдельные кадры некоторых частей перемежовывают это прошлое с символическим настоящим — «неким духом, некого гигантского завода» (Магнитогорск). Вся же вторая половина сценария построена на реалистическом материале прошлого — родовой Калмыкии. Это невольно порождает вопрос: а где же советская Калмыкия?

Во всяком случае, даже при наличии отмеченных в некоторых других весьма существенных идеологических искривлений, сценарий не теряет своей ценности и дает основание полагать, что при серьезной его переработке, при товарищеской помощи сценаристу со стороны компетентных товарищей, он может явиться ценной основой для весьма значимого кинематографического произведения.

Надо поэтому **помочь** сценаристу, а **не гробить** его политически настолько, чтобы он оказался не в состоянии продолжать свою работу.

БОРИС ШУМЯЦКИЙ

надо переделать сценарий, или, если он совершенно неприемлем, — в каком духе сочинить новый, написал весьма резкую рецензию, в которой квалифицировал сценариста именно как «контрреволюционера» и с неслыханной поспешностью опубликовал оную рецензию в печати.

Такой образ действия тем более странен, что он допущен в момент, когда партия указывает нам, как надо внимательно систематически вникнуть в познание технической (и творческой) интеллигенции единственно правильный диалектический метод, гарантирующий ее от шатаний и ошибок; как надо, систематически работая с этой интеллигенцией, тем более наименьшинской, помогать ей обойти тропинку бедствий оппортунизма.

* * *

Исправляя вопиющую ошибочность выше «упрощенческого»

писатели кабардино-балкарской автономной области требуют помощи РАПП

письмо через „литгазету" в секретариат РАПП

Национальные области Советского союза ведут ожесточенную борьбу за перестройку жизни, против великодержавного шовинизма и местного национализма. Строительство социалистической экономики национальных областей несет полный переворот в общественных отношениях, в укладе, в быту, уничтожая все ненужное, создавая новое коммунистическое общество.

Кабардино-Балкарская автономная область небывалым фронтом выступает вперед, сметая с пути старое, создавая новые условия для жизни общества, но национальная художественная литература отстает от темпов. Национальные кадры (поэты, писатели, очеркисты) из кабардинцев и балкарцев, имеющие за собой небольшой опыт литературной деятельности, работают вслепую, стихийно, без руководства, вне литературного объединения.

Организация ассоциации национальных пролетарских писателей Кабардино-Балкарской автономной области—одна из первых необходимостей.

Объединение писателей национальностей в ассоциации является делом большой политической важности, требующим четкого руководства, товарищеской помощи.

Нам нужна помощь в организационной работе, помощь четкой, идеологической и принципиальной установкой. Мы просим прислать все необходимые материалы и пособия, дать точные указания для оформления этого дела и знать (секретариату РАПП) над нами шефство, которое способствовало бы быстрой организации ассоциации, росту и укреплению национальной литературы в интересах класса.

Мы сделали такой прыжок, обратившись непосредственно в секретариат РАПП через ростовских писателей, лишь потому, что Северо-Кавказская ассоциация бюрократически отнеслась к нам, когда мы раньше обратились к ней за этой помощью.

С организацией ассоциации мы запоздали по вине СКАПП.

Инициативная группа по организации АНКП Кабардино-Балкарской автономной области.

ДЖ. НАЛОЕВ, ВОРОБЬЕВ, САБАНИН, ШЕЛЬБУРГ, КЛИМОВИЧ.

писатели срывают реализацию займа „третьего решающего"

Начался второй этап займовой кампании — реализация предварительной подписки.

Если в большинстве учреждений, обладающих постоянным штатом сотрудников, выплата подписных сумм производится путем вычета из зарплаты, то общественные организации несвязанные и исключительную зависимость от **сознательности и аккуратности** подписчиков.

По предварительной подписке Мосгорком писателей была заметно встречная контрольная цифра в **100.000 руб.** Предварительная подписка среди писателей **превысила** эту цифру и дала **105.000** рублей. Однако поступление первого же взноса вызывает опасение за ход реализации предварительной подписки. На расчета подписки в **105.000** рублей ежемесячно должно поступать **10.500 руб.** Между тем на 13 августа внесено всего... **200 рублей!**

Необходимо немедленно ускорить внесение причитающихся с писателей сумм. Иначе — **реализация подписки из зарплаты среди писателей — окажется под угрозой срыва.**

30 августа—пленум правления РАПП

Секретариат РАПП постановил созвать **30 августа** очередной пленум правления Российской ассоциации пролетписателей. В повестке дня пленума доклады:

Ив. Макарьев.—

О художественном показе героев пятилетки.

В. Киршона—О первых итогах призыва рабочих-ударников в литературу.—и

А. Селивановского—Попутничество и союзничество;

Доклад ИКПЛИ и обсуждение плана зимней работы секретариата РАПП.

ИЗВЕЩЕНИЯ

15 августа в 5 ч. вечера в МАПП (Тверская 34, ход через книжный магазин) состоится совещание товарищей, выделенных на курсы руководов МАПП. Явка обязательна.

16 августа в 7 час. вечера в помещении «Пролетарского авангарда» (Тверская, 35) состоится очередное собрание объединения рабочих писателей-ударников при журнале.

Объединение МАПП и редакция журнала ГОСТ организуют 17 августа на пароходе объединенную экскурсию ударников, при заводских и литературных. В экскурсии участвуют: тт. Авербах, Аннаузин, Багрицкий, Безыменский, Кирилов, Кольцов, Лугинский, Лугинский, Пинферов, Ревичков, Светлов, Сельвинский, Сидоров, Сурков, Сутырин, Фадеев, Хацкин и др.

Сбор по приглашенным билетам на пристани Гостиноходства (Причальная наб., 5 ровно в 9 ч. утра (около Устинского моста, трамваи А, 29).

* 18 АВГУСТА — 18 ч. в клубе завода им. Ильича (Б. Серпуховская, 49)—состоится расширенное заседание исполбюро ФОСП совместно с рабочими завода и писательским активом. В порядке дня: отчет всех литорганизаций о работе по художественному показу героев пятилетки.

19 августа в 4 часа на фасе Гознак (Мытная, 17)—выездное заседание Ленинского райбюро МАПП совместно с литкружком Гознак, редколлегия газ. «Натиск» и комсомол фабр.

19 августа в 5 час. вечера в МАПП (Тверская, ход через книжный магазин) состоится совещание транспортных бригад МАПП. Возвращается представители бригад и секретари райбюро МАПП, а также персонально следующие товарищи: Эстерт, Шмерлин, Кудрейко, Сидоров, Кривольцкий, Ефимов, Коган, Винников.

поправка

В прошлом номере «Л. Г.» в статье Ал. Лидина «Прокеры во времени и пространстве» в 2-ой колонке, 2-ой абзац, напечатано: «писатель» должен дистрибовать, а он получается социамбулически третьему измерению». Следует читать: «четвертому измерению».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, Н. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селиванов, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ

На ежемесячный иллюстрированный журнал

ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО

Орган Ассоциации работников революционной кинематографии. Под редакцией В. Пудовкина, К. Сутырина (отв. редактор), Ф. Эрмлера, Кронкова и Н. Яковлева.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на работников кинематографии и сценных областей культработы, на членов общества „За пролетарское кино и фото".

В ближайшие дни выйдет из печати № 7

Содержание:

Н. ИЗУИТОВ — „Философия" учебной фильмы. А. БАРШ, Т. ФОГЕЛЬ—О сценарии учебной фильмы. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ. ВАЛ. ГРИГОРЬЕВ — К методологии определения жанровости. И. ПОПОВ—Предисловие к неизданной статье. Н. СПИРИДОВСКИЙ — На стройке фабрик советской кинопленки. И. ГРИНФЕЛЬД—Пути звукового кино у нас и за границей. Г. ЗЛАЧЕВСКИЙ — Звуковое кино во Франции. ЛЕО МУР—Пути многоязычной кинотехники. Г. СОЛОВЬЕВ—Жанры калейдоскоп. Б. ЦЕЙТЛИН — Подводная кинокамера. БИБЛИОГРАФИЯ — Школьно-учебная фильма и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 6 мес.—2 р. Отд. № 35 к.

ПОДПИСКУ сдавайте в местные магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченным, на почту и письмоносцам.

ОГИЗ ОБ'ЯВЛЯЕТ ПРИЕМ НА 2-ГОДИЧНЫЕ РЕДАКТОРСКИЕ КУРСЫ при

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ,

С ОТДЕЛЕНИЯМИ:

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ и ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ

Принимаются чл. ВКП (б), со стажем не менее 5-ти лет.

Разверстка и условия приема разосланы Областкомам, Крайкомам и ЦК национальных республик

По Москве условия приема узнавать в Управлении кадров ОГИЗа. (Кузнецкий мост 16, комн. 38, тел. 5-50-53).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЦИЯ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

БУДАНЦЕВ, С. Повесть о страданиях ума. Повесть. 236 стр. Ц. 1 р. 75 к.
ДАЛЬНИЙ, Рульд. Роман. 162 стр. Ц. 1 р. 10 к.
ДОРОНИН, М. Тракторный пахарь. Поэма. Предисловие А. Луначарского. 126 стр. Ц. 1 р. 75 к.
ЗАМОЙСКИЙ, П. Лапти. Роман. Книга первая. 233 стр. Ц. 2 р. 70 к., пер. 35 к.
КАНАТЧИКОВ, С. Рождение колхоза. Очерки. Издание второе, дополненное. 114 стр. Ц. 50 к.
КОЛЬЦОВ, М. Всемнадцать городов. 185 стр. Ц. 2 р. 10 к., пер. 30 к.
ПРЕКШИН, Е. Продолженье следует. Стихи. 112 стр. Ц. 1 р. 60 к.
ЛАПИН, Б. Набег на Гарм. Хроника. 104 стр. Ц. 75 к.
НИКУЛИН, Н. Письма об Испании. Издание второе. 315 стр. Ц. 1 р. 80 к., пер. 30 к.
РЯХОВСКИЙ, В. С гор потоки. Роман. Издание второе. 236 стр. Ц. 1 р. 40 к.
СВЕРЧКОВ, Дм. Бытыай. Роман. 213 стр. Ц. 1 р. 60 к., пер. 35 к.
СЕРАФИМОВИЧ, А. Рабочий день. Полное собрание сочинений т. 1, редакция, предисловие и комментарии Р. Нердова. 315 стр. Ц. 2 р. 60 к. пер. 45 к.
ЕГО ЖЕ—Город в степи. т. 5, 311 стр. Ц. 2 р. 40 к., пер. 45 к.
ЕГО ЖЕ.— Железный поток. Т. 10. 262 стр. Ц. 1 р. 80 к., пер. 30 к.
УТЕВСКИЙ Л. Жизнь Гончарова. 268 стр. Ц. 2 р. 60 к., пер. 30 к.
ЦЫКУНОВ, В. и ЧЕРТОВА, Н. Огненная земля. 236 стр. Ц. 1 р. 70 к., пер. 45 к.
ЧАЧИКОВ, А. Далекие сестры. Рассказы. 115 стр. Ц. 75 к.
ЭРЕНБУРГ, И. Англия. Очерки. 62 стр. Ц. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КНИГОЦЕНТР ОГИЗа Москва, Кузнецкий, 16

Каждый УДАРНИК
Каждый РАБОЧИЙ
Каждый КОМСОМОЛЕЦ
Каждый УЧАЩИЙСЯ

должен понять слова тов. Сталина:

„Нам осталось немного — изучать технику, овладеть наукой"

Непрерывно повышать уровень своих технических знаний,
овладевать техникой своего производства,
следить за достижениями советской и иностранной техники—долг каждого сознательного участника социалистической стройки.

Популярно-технический журнал „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ" — орган ВЦСПС и Всес. общ. „Овладеть техникой"—поможет своему читателю овладеть техникой ведущих отраслей нашей промышленности,
ознакомит его с новейшими достижениями советской и иностранной техники.

Каждый ударник, рабочий, комсомолец, учащийся

ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИТАТЕЛЕМ журнала „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ исключительно почтовым абонементом. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Подписная цена: „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ" („Основы науки") 12 мес—4 р. 80 к., 6 мес.—2 р. 60 к., 3 мес.—1 р. 40 к., 1 мес.—50 коп.

Акц. изд. об-во „ОГОНЕК".

ВСЕ КУЛЬТУЧРЕЖДЕНИЯ: ШКОЛЫ, ВУЗ'Ы, ВТУЗ'Ы, БИБЛИОТЕКИ, КЛУБЫ, КРАСНЫЕ УГОЛКИ, ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ, ДОМА КРЕСТЬЯНИНА, КУЛЬТПОЛИТСОВЕТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ, КУЛЬТБЫТКОМИССИИ КОЛХОЗОВ и ЖИЛОБ'ЕДИНЕНИЙ

ВСЕ ПРОСВЕЩЕНЦЫ, НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ, ЛИТРАБОТНИКИ И КУЛЬТАРМЕЙЦЫ

ВСЕ ДОЛЖНЫ ЧИТАТЬ, ВЫПИСЫВАТЬ И ПРОДВИГАТЬ В КУЛЬТАРМЕЙСКИЕ МАССЫ БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

БОЕВОЙ ОРГАН КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОСЦАМ В УСТАНОВЛЕННЫЕ ПРЕДЕЛЬНЫЕ СРОКИ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

12 мес.	5 р. — к.
6	4 р. — к.
3	2 р. 25 к.
1	— р. 75 к.

С 1-го сентября издание журнала „СОВЕТСКОЕ ФОТО" ПРЕКРАЩАЕТСЯ

С сентября начнет выходить ежемесячный иллюстрированный журнал

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО"

орган ОЗПКФ и СОЮЗФОТО

и еженедельная массовая иллюстрированная газета „ФОТОКОР" орган ОЗПКФ и СОЮЗФОТО с приложением фотобиблиотеки по 3 книжки в месяц.

ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКОЕ ФОТО" будут получать ежемесячный журнал „Пролетарское фото" до конца срока своей подписки.

Подписчики на библиотеку „Совфото" получают таковую до конца 1931 г., имеющие переходящую подписку в 1932 году будут получать библиотеку „Пролетарское фото".

Подписчики, уплатившие подписную плату сразу за год, а также доплатившие к подписке 1 р., получают в 1931 г. „Календарь-справочник фотографа" обычным порядком.

„Фото-альманах" за 1931 год выпущен не будет,—о замене его другим приложением будет об'явлено особо.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на ежемесячный журнал „ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО":
12 месяцев—6 р., 6 мес.—3 р. 25 к., 3 мес.—1 р. 75 к.
Цена отдельного номера—60 коп.

Условия подписки на еженедельную газету „ФОТОКОР" с приложением библиотеки „ФОТОКОР" будут объявлены дополнительно.

Подписку сдавать только почте.

Принимается подписка на 1931 и 1932 г.

Акц. издательское о-во „ОГОНЕК".

Уполн. Главлита В 8863.

Ленинградская (39) тип. «Мосгиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 1.